

Боярин

Автор:

Александр Логинов

Боярин

Александр Логинов

Феодал #1

30-е годы XV века. На Руси идет гражданская война. Литва пытается поглотить русские земли. В Орде три претендента оспаривают царский трон. Эмиры-изгои грабят русские земли. Стонет земля русская. Все против всех и каждый за себя. Наш современник, самозванный князь, пытается устроиться в новом для себя мире. Тяжела боярская ноша. Ложь, обман, насилие и жестокость противостоят добру и справедливости, и порой не разберешь, что есть зло, а где добро.

Александр Логинов

Боярин

Пролог

В просторной комнате царил полумрак. Три толстые восковые свечи на золотом массивном подсвечнике-шандане слабо освещали широкий дубовый стол на массивных резных ножках, уставленный разнообразной снедью на деревянных тарелках и серебряных блюдах: солеными грибами, кусками запеченного мяса и большими косыми пирогами. На столе возвышалась массивная резная кружка из слоновой кости, окованная по краям серебром, наполненная до краев русским квасом. Рядом с ней покоился на столе опорожненный питейный рог,

оправленный золотом и украшенный лалами, яхонтами и бирюзой[1 - Драгоценные камни.]. Все предметы, находившиеся в комнате, несмотря на высокую художественную ценность, являлись обычными повседневными предметами обихода.

Справа от стола, на полу, разместился початый бочонок с темно-красной жидкостью, в воздухе терпко пахло винными парами. Неподалеку от винной бочки валялся нечаянно оброненный питейный ковш с витой золотой ручкой и украшенный затейливой чеканкой по золоту.

Дверь, обитая золоченой парчой, с легким скрипом отворилась, в образовавшуюся щель осторожно просунулась женская голова в старинном головном уборе, цепкий девичий взгляд стремительно стрельнул в сторону спящего за столом человека в домашнем атласном халате.

- Кажись, спит, - вполголоса объявила девица толпившимся за дверьми людям.

Появившаяся в дверном проеме мужская рука цепко ухватила любопытную девку за шиворот и с силой втащила назад. Обшитая золотой парчовой тканью дверь широко отворилась, в комнату, бесшумно ступая босыми ногами по узорчатому персидскому ковру, вплыла дородная женщина с заплаканными глазами, следом за ней ковыляла, опираясь на клюку, древняя бабка, скрюченная в поясе от прожитых лет.

- Уснул, родимый, - облегченно вздохнула женщина, но тут ее взгляд упал на разрубленные в щепы коники. Полавочники, шитые из дорогой ткани, валялись чуть в стороне, зияя огромными прорехами. - Ой! Что делается! - она непроизвольно всплеснула руками, невольно повышая голос.

- Тихо ты, дура! - в дверях появился среднего роста коренастый мужичок в широких темно-синих шароварах, заправленных в простые, но добротные сшитые остроносые татарские ичиги, в темно-зеленом расшитом серебром кафтане и темно-красной тафьей на макушке седой головы.

- Ты бы попридержал язык, Спиридон, - злобно ощерилась женщина. - Если бы тебе не пришла блажь в голову послать кровиночку на муку лютую... - из ее заплаканных глаз скатилась скупая слеза.

– Что зенки вылупила? – прошамкала старуха, с силой ткнув клюкой в бок любопытной холопке, пробравшейся в комнату следом за хозяйкой. – В опочивальню несите князя. Не бойсь, не проснется он. Травка зело сильная, – старая Аграфена смело говорила в полный голос, разглядывая погром, учиненный князем в горнице. Лавки изрублены, боевой топор плотно засел в стене, куда его с силой вогнал князь.

Спиридон понуро опустил голову, не споря с женой. За последние две седмицы ему не раз приходилось выслушивать от жены упреки в участии дочери. Иной раз так тоскливо было на душе, хоть в петлю лезь, и, главное, возразить нечего – сам виноват. Жена права. Кто знал, что случится непоправимое, что именно в этот день придет беда, откуда ее совсем не ждали.

Со стороны степи набежали татары-казаки. Нынче на украинах княжества неспокойно, кочующих орд, не подчиняющихся царям, развелось особенно много. Эмиры, беки, мурзы, нарушая вассальную присягу, покидали своих государей[2 - В Орде сейчас аж три царя!] и откочевывали к границам Руси и Литвы, выжидая, кто победит в междоусобной борьбе за Сарайский трон. Изредка между мелкими татарскими родами вспыхивали ожесточенные схватки, но большей частью они дружно грабили окраины вассалов своих бывших сюзеренов – Рязанское, Нижегородское, Московское княжества и Литву.

Спиридон не сильно переживал за судьбу дочери, которую отправил в одну из дальних деревенок собрать пушной оброк. Вместе с дочкой княжеского тиуна Спиридона отправились два десятка служилых татар в качестве охраны да четверо холопов-обозников. Но кто ж знал?

О появлении врагов предупредила дальняя сторожа, и навстречу татарам вышла рать под предводительством Рябого, который распорядился предупредить окрестные деревеньки о набеге татар и, забрав почти всех воев из усадьбы, отправился на соединение со служилыми казаками, чтобы дать отпор врагу.

Татары, разумеется, боя не приняли, огрызаясь лихими наскоками, они отступали и отступали. Русские преследовали татар, вступая в короткие стычки, но так и не смогли уничтожить противника. Возвращаться назад Рябой посчитал опасным, татары, рассыпавшись, могли незаметно просочиться в тыл и устроить засаду.

Дальше преследовать татар воевода не решился: опасался засады. Со стрелковой тактикой легких конных лучников Русь познакомилась не вчера и прекрасно знала все хитрости, на которые способны бесермены. Русских заманивали в засаду, где тяжелая конница татар поставит жирную точку, раздавив уставших русских.

Стоять на месте тоже не выход. От скоротечных наскоков легких татарских лучников падали сраженные короткими стрелами кони, вои пока все живы, но легкораненых с каждым днем становилось все больше и больше. Другая беда – корм для лошадок. То, что прихватили с собой в торбах, уже подходило к концу. Вестники, отправленные воеводой в усадьбу, как сквозь землю провалились. По расчетам воеводы они должны были вернуться к вечеру, но, бесполезно прождав их до самого утра, Рябой вынужден был отдать приказ отходить.

Татары прицепились к войску Рябого, словно банный лист к заднице. Постоянно тревожили стремительными нападениями, издалека осыпая русских стрелами.

Оставив служилых татар с полусотней казаков прикрывать свое отступление, Рябой осторожно возвращался к усадьбе. Шел девятый день с момента выхода русаков из стен крепости.

Когда передовая сторожа принесла весть, что обнаружены тела убитых вестников, Рябой, холодея от ужаса, осознал, что его перехитрили. Оставив казаков самостоятельно разбираться с татарами, воевода, забрав с собой всех служилых татар, скорым маршем помчался назад к усадьбе.

На пути войска русаков встретила разграбленная деревенька из трех дворов. Сено в деревеньке отсутствовало, татары выгребли все подчистую. Рябой, предчувствуя непоправимое, загоня ослабевших от бескормицы коней, бросая ослабевших от потери крови товарищей, рвался быстрее вернуться назад, пока еще не поздно.

Усадьба Луки Фомича, главного княжеского воеводы разграблена. Повсюду на вытопанном снегу лежат ободранные догола трупы защитников усадьбы. Рябой, до крови закусив губу, приказал двигаться дальше, нигде не останавливаясь.

Через версту – вновь разоренная деревенька. Та же картина разрушений и парочка окоченевших трупов крестьян, посеченных саблями.

Когда к вечеру двенадцатого дня отряд добрался до усадьбы, князь уже вернулся из похода. На заснеженном поле лежали неубранные трупы татар. Перед надвратной башней тел было особенно много. Никто их не убирал. В открытых воротах стояли хмурые стражники, из тех, что уходили с князем в поход в далекую землю под названием Пермь.

Рябой, бросив взмыленного коня у коновязи, топтался на месте, не решаясь подняться по золоченым ступенькам высокого крыльца терема.

– Что ж ты, мил человек, натворил-то? – слова Демьяна, княжеского осадного воеводы, резанули словно ножом по сердцу.

– Перехитрили меня бесермены, – Рябой склонил замотанную окровавленной тряпкой голову.

– Перехитрили его! Ты зачем на татар пошел? Сказано тебе было, собрать народишко в усадьбе и пересидеть набег! – сорвался на крик сильно разгневанный Демьян.

– Я перед князем отвечу за свои проступки, – бешено сверкая очами, взбрыкнул провинившийся.

– Ответишь! За все ответишь! – на крыльце с перекошенным от злобы лицом появился боярский сын Лука Фомич, бывший ватаман ушкуйников, а ныне первый княжеский воевода.

– И отвечу! – задирая голову кверху, чтобы посмотреть в глаза своего бывшего ватamana, сквозь зубы процедил Рябой.

– Катерина пропала, – тихим голосом сообщил новость Демьян.

От этого известия у Рябого душа ушла в пятки. Выхватив из-за пояса кинжал, он резко взмахнул единственной рукой, но был остановлен железной хваткой Демьяна.

– Ишь што удумал! Нет. Тебя судить, голубь ты сизый, князь будет, – Демьян завернул руку Рябого, отбирая кинжал. – Ахмет! В поруб его! – грозно рыкнул воевода.

Старый татарин Ахмет, словно в ожидании этого приказа, вместе с помощниками стоял за спиной Рябого. Два татарина подхватили вырывающегося Рябого под локотки, а Ахмет легонько ударил кистенем по затылку. Рябой сразу обмяк. Татары потащили бесчувственное тело прочь от крыльца.

– Боже! Если ты есть, не дай согнуться боярыне! – взмолился старый воин.

– От Булата с Кулчуком нет вестей? – Лука Фомич спустился вниз по лесенкам и остановился рядом с другом.

– Пока нет, – помотал головой Демьян. – От сыновей посыл был. Переняли два десятка татар, отстали от своих бессермены.

– И? – Лука замер в ожидании.

– Мещерский юрт, – выдохнул Демьян.

– Вот черти! – боярский сын в сердцах сплюнул. – Мыслишь, сговорились с ордынцами?

– Не мыслю, ведаю, – покачал головой Демьян.

Андрей беспокойно спал, изредка вскрикивая во сне, и видел дивный сон, яркий, красочный и, главное, очень реалистичный.

Во всех деталях, до мельчайших подробностей, вплоть до глубоких царапин на золоченом доспехе терминатора, перед взором Андрея предстал закованный в железо перс-харасанец, словно Шварценеггер, безжалостно убивающий его, Андрея, воинов.

Вот перед его взором промелькнул гибкий девичий стан, Андрей попытался поймать красавицу, но та ловко ускользнула от его объятий, опрокинувшись на

душистую траву широкого заливного луга.

Краешком сознания он понимал, что это ему снится, что такого быть в реальности не может. Почему? Да потому, что не может – и точка! Все видения плод его воспаленного сознания, наверное, он попал в автокатастрофу и находится между жизнью и смертью. Отсюда и галлюцинации, но почему они так реальны?

У него есть жена, есть бизнес. В конце концов, он уважаемый человек в серьезных бизнес-кругах.

Но сын... Маленький беззащитный комочек на его огрубевших руках и теплое, ласковое прикосновение женских рук! Андрей физически ощутил прикосновения! Ему так этого не хватает, а во сне – сын существует, Андрей слышит его писклявый голос, звонкое журчание и чувствует тепло, согревающее руки.

Жена Света и слышать не желает о детях, говорит, что сначала хочет пожить для себя, а уж потом, если бог даст, то можно подумать о наследнике. В порядочных семьях хорошим тоном считается беречь свое здоровье. А роды, роды не идут на пользу молодой женщине, они портят фигуру и если бы только фигуру...

Яркий образ вечно недовольной жены предстал перед глазами, и воспаленный мозг ответил нестерпимой пульсирующей болью. Андрей беспокойно заметался, пытаясь отогнать видение, но образ жены не уходил, настойчиво требуя очередное брильянтовое кольцо.

На плечи легли ставшими такими родными маленькими девичьи руки, и вторая девушка забрала сына с его рук. Сахарные уста впились в губы Андрея, заслоня образ жены, стирая его из памяти, словно кто-то нажал клавишу «Делит».

Андрей знал, что девушки сестры, что младшая из них – мать его сына, и что обе они – его жены. События, разворачивавшиеся во сне, так увлекли Андрея, что ему очень хотелось, чтобы сон не кончался, чтобы сказка стала былью.

Глава 1

Переход

Он мчался по ночному шоссе, утопив педаль газа до упора. Стрелка спидометра перевалила за отметку сто восемьдесят километров в час, но спортивный автомобиль явно проигрывал соревнование в скорости мыслям своего хозяина. События последних трех месяцев ярким калейдоскопом проносились перед глазами Андрея. Благо что трасса в это время суток пуста, до рассвета оставалось часа два. Тело Андрея жило собственной жизнью, и госпожа удача благоволила Андрею, ибо на пути не встретился ни один экипаж гаишников. Вот и отворот, дальше дорога представляла собою памятник дорожникам развитого социализма. Нужно отдать должное строителям коммунизма в отдельно взятом государстве, асфальт имел место быть, несмотря на более чем тридцатилетний возраст. Ямы и выбоины на дороге имелись в достаточном количестве, чтобы укротить пыл заядлых гонщиков, и Андрей скинул скорость.

Рассвет застал его, когда Андрей по наитию свернул на малоприметную проселочную дорогу, по привычке сбрасывая скорость до минимума. Как на грех, дорогу опять перегородило упавшее дерево. Сколько себя помнил, дерево всегда преграждало дорогу. Его оттаскивали, распиливали, сжигали, но оно неизменно появлялось вновь. Проклиная все на свете, Андрей остановился, вышел из машины, нервно закуривая сигарету.

Тонкий писк комара вернул Андрея к реальности. «Собственно, что такого страшного случилось, – подумал Андрей, оттаскивая на обочину здоровенное дерево. – Рано или поздно – это должно было случиться. Главное – руки, ноги целы, а остальное... Гм, если под остальным понимать потерянную квартиру в Москве, фирму и жену и предательство друга – это одно. Если под “остальным” понимать потерянные семь лет жизни – это уже понимаешь.... Так, стоп, – остановил себя Андрей. – Хватит накручивать себя. Что упало, то пропало. Если подумать, то в сложившейся ситуации я сам виноват. В отношениях между мною и Светкой изначально был неверно заложен базис. Все-таки мы современные люди, а не пережитки седой древности. Это дед с бабкой жили душа в душу, понимали друг друга без слов и словно чувствовали друг друга на расстоянии.

Помнится, бабка Акулина, придя домой с вечерней дойки, надела черный платок и истово молилась до самого восхода солнца, а утром объявила родителям

Андрея, что их родитель отдал богу душу. Что интересно, мать с отцом восприняли это известие как свершившийся факт, даром что деда уже несколько лет не было дома, и лишь бабка знала, куда он уехал. На вопрос участкового, мучившегося с глубокого похмелья, с какого бодуна, бабка решила, что Иван Дмитриевич, так звали деда, умер, лаконично ответила: сердце вещает.

Через год с небольшим родители Андрея погибли в автокатастрофе. Так маленький Андрейка попал к бабке Акулине. Для пацана началась новая жизнь, полная приключений и странностей. Несмотря на почтенный возраст, бабка была полна сил. Шустро управлялась по хозяйству, держала скотину в хозяйстве: лошадь, две коровы, три овцы, козу и два десятка кур.

Знатный был жеребец – огонь. Из соседнего колхоза, где разводили лошадей, сам председатель приезжал – кланялся бабке. Многие Акулина знала про лошадей. Только Андрей не сумел перенять все ее знания, ни к чему они ему были в век самолетов и космических кораблей. Как наезднику ему не было равных, но, в отличие от бабки, он не мог мысленно подозвать к себе коня, находясь за версту от него. Бабка могла.

Лето Андрей проводил в дремучем лесу, старая Акулина находила время обучать внука повадкам птиц и зверей. Удивительно, но в окрестных лесах, словно в заповеднике, водилась всякая живность – медведи, лоси, кабаны, а зайцев была тьма тьмущая.

Во время перестройки и бурного роста дикого капитализма новые хозяева жизни сторонились этих лесов, места эти издавна имели недобрую славу, изредка новые «хозяева жизни» пропадали бесследно в этих дебрях. Милиция по-тихому закрывала дела, и лес дальше продолжал жить в тишине и покое.

Лесной массив был полностью в распоряжении Андрея, парень дни и ночи напролет предавался охотничьим забавам, то гонял с кистенем зайцев, а как подрос и возмужал, то сходил на медведя с рогатиной. Правда всего один раз и то неудачно. Чудом остался жив, бабка спасла самонадеянного внука, вогнав каленую стрелу точно в глаз медведю. Больше Андрей не геройствовал, в его шестнадцать лет хозяин леса был ему еще не по силам.

В свои годы бабка Акулина легко натягивала свой короткий изогнутый лук. Она не признавала огнестрельного оружия, считая его порождением дьявола,

впрочем, бабка не признавала ничего из достижений цивилизации. В доме не было даже электричества, готовили пищу в русской печи, собственноручно сложенной дедом.

В округе молодую Акулину сразу записали в колдуньи и досуже гадали, из какой глуши привез ее дед. Речь молодой жены нелюдимого Ивана долгое время оставалась непонятной для окружающих, и вела себя она очень странно. Но травы знала, как профессор ботаники. И была у жены Ивана дурная привычка таскать с собой острый длинный нож-тесак, но так как Акулина практически не бывала нигде, кроме своего дома, поля и дремучего векового леса, который наивно полагала своим, а с внешним миром общалась только через редких гостей, забредавших на отдаленные выселки получить лечебную траку, то на странности Акулины быстро перестали обращать внимание. Живет за болотом чокнутая колдунья и пущай себе живет.

Секретарь райкома, проявивший нездоровый интерес к семье Ивана, как-то неудачно съездил на охоту. Что там произошло на той охоте, никто не знает, но хоронили погибших в закрытых гробах. В леса загнали солдат, прочесали лесной массив от и до, но никаких волков так и не нашли. Серые словно под землю провалились.

Вновь назначенный секретарь предпочел не замечать сплетен. Так и жили дед с бабкой в мире и согласии, пока дед в очередной раз не исчез.

Автомобиль остановился перед воротами дома. Андрей заглушил двигатель, но остался сидеть в салоне, вспоминая свое детство и юность, проведенное в деревне. Прошло не меньше получаса, прежде чем Андрей решился выйти из машины. Попав внутрь двора через калитку, широко отворил ворота, загнал авто во двор под навес.

Осмотрел старинный, ручной работы замок на дверях избы, отметил, что недобрая слава охраняла хозяйство весь этот год почище охранного предприятия. Главное задаром. Потом забрал с заднего сиденья машины букет свежих цветов, отправился на могилу бабки.

Ушлый нотариус бабки вызвался решить все вопросы, связанные с оформлением документов на похороны, паспорта у покойницы не оказалось, и вдобавок она, как оказалось, не числилась среди клиентов Пенсионного фонда.

Деньги у Андрея были, служащие разных уровней относились к зелененьким президентам с почтительным благоговением, размер которого определялся должностью чиновника, и проблем с выправлением бумажек не возникло.

Андрей возложил цветы на могилку, уселся на лавочку, доставая из внутреннего кармана пиджака вскрытый конверт. Развернул листок бумаги, исписанный мелким почерком, вновь стал перечитывать посмертное послание бабки. Относиться к содержанию письма можно было по-разному, но поверить в написанное мог только не совсем нормальный человек.

Однако вместе с письмом нотариус передал Андрею вместительный деревянный сундучок, сработанный под старину и искусно окованный железом. В сундуке хранились слитки серебра, в которых нумизматы безошибочно определили новгородские и киевские гривны, золотые монеты Византийской империи и других стран Востока. Экспертиза показала, что монеты настоящие, огромной нумизматической редкости, особенно византийские и восточные. Так что не верить бумаге – оснований нет, каким бы бредом ни казалось написанное в письме.

Завтра к обеду должны прибыть транспорты с необходимыми вещами и оборудованием. Послезавтра, на восходе солнца, Андрей узнает, правда ли существует семейная тайна или это посмертная шутка бабки Акулины.

Глава 2

Первая встреча

Странный тоннель оставался открытым три дня. Жертвенный камень в пещере под старинным домом Андрея за это время обагрился его кровью полностью. Кровь тонкой струйкой текла по желобкам, Андрей смотрел, уже в который раз, на это таинство, не понимая его природы и не веря собственным глазам, – стена пещеры вновь пошла мелкой рябью и исчезла в дымке. Разум Андрея отказывался воспринимать процесс перехода. Держа коня на поводу, он в последний раз шагнул по тоннелю. Вокруг стелились клубы плотного тумана, видимость практически нулевая, и вдруг, сделав очередной шаг, ты попадаешь в новый мир, чистый и светлый. Там даже воздух был иным, дышалось легко и

свободно.

Андрей тщательно замаскировал вход в пещеру, надеясь, что потом сможет найти схрон. Еще раз оглядев критическим взглядом дело рук своих, он оседлал своего донца, навьючил пожитками, отобранными в дорогу, вторую лошадку, и, посидев на дорожку, неспешно выкурив сигарету, отправился в путь – навстречу судьбе.

Весеннее солнышко ласково припекало, слабый ветерок, тянувший с реки, обдувал прохладой. Решение ехать вдоль реки Андрей считал правильным, люди испокон веков селились по берегам рек, рано или поздно на пути встретится жильё. Там, действуя по обстановке, он попытается определиться с местом и временем. Планов как таковых не было. Самый простой вариант – явиться в столицу и поступить на службу. Насколько он понимал историю, то проходимцы на Руси часто делали карьеру при дворах государей. Так отчего бы не попробовать?

Двигаясь по высокому берегу реки, Андрей мог видеть окрестности противоположного берега. Судя по всему, если в половодье заливало правый берег, то луговую низменность левого берега затапливало на много километров. На стороне, по которой он двигался, вековой сосновый лес почти вплотную подступал к высокому берегу реки, но не настолько близко, полоса берега шириной метров сто – сто двадцать позволяла передвигаться достаточно свободно. Ветер с реки обдувал земельку, солнышко припекало, вот и ехал Андрей посуху. А не дай бог дождик пойдет, то все, пиши пропало – не пройти, не проехать...

У дремучего лесного массива не видно конца и края. Вот уже два часа Андрей любуется красотами природы, а лес все не кончается. Иногда он отступал достаточно далеко от берега, тогда Андрей ехал по широкому лугу. Он торопился, но старался не переутомлять коня, переходя с шага на рысь и обратно. Уровень воды в реке вызывал беспокойство, если половодье застанет его в пути, то останется только один путь – сквозь дремучие лесные дебри, а снег в лесу еще не сошел полностью. Интересно, что широколиственные леса соседствовали с хвойными.

Однажды недалеко от берега Андрей углядел возвышенность, где давным-давно стояло человеческое жильё. Об этом безмолвно свидетельствовали остатки земляных укреплений. Поселение, судя по размерам полуисчезнувших от

времени валов, не отличалось многолюдностью, занимая пространство в четыреста-пятьсот квадратных метров. Осмотрев периметр, Андрей пришел к выводу, что тут когда-то стояла укрепленная усадьба или острог. Уже собираясь покинуть это место, Андрей случайно пнул трухлявую кочку, и из-под нее выкатился железный горшок, в котором скалился верхними зубами полуистлевший человеческий череп. Нижняя челюсть отсутствовала. Андрею стало не по себе. Он поторопился покинуть это место как можно быстрее.

Изредка на пути возникали препятствия в виде неглубоких оврагов, по дну которых весело журчали ручейки, лишь однажды овраг был настолько глубок и широк, да к тому же зарос орешником, что спуск по крутым склонам не прельстил одинокого путника, и Андрей решил поискать место поположе. Ему пришлось двигаться вдоль оврага, иногда продираясь сквозь заросли кустарника, здорово мешавшего движению. Приблизительно через километр овраг изменил направление, постепенно заворачивая в противоположную сторону.

Ругаясь почему зря, Андрей продолжал объезжать препятствие, но двигался он в обратном направлении уже достаточно долго, а удобного спуска все не было.

Кустарник резко закончился, Андрей выехал на открытую местность, мысленно пытаясь представить себя со стороны. Зрелище, судя по всему, фантастическое: верхом на коне, в широких штанах, заправленных в красные сапоги, в зеленом кафтане, на голове не пойми что, означавшее головной убор. Широкий кожаный пояс с начищенными медными бляхами, на боку сабля, доставшаяся по наследству от бабки. Этим интересным оружием Андрей владел виртуозно. Сабля не совсем обычная – настоящий булат. Необычность в сабле заключалась в легкой изогнутости клинка и рукояти, соединенной с клинком под небольшим углом. Такой саблей можно было не только рубить, но и колоть, тем более что острие обоюдоострое. К седлу приторочен щит из легкого, но прочного сплава. Одежду всю Андрей купил у ролевиков, помешавшихся на старине. Оружие, за исключением сабли и короткого бабкиного лука, – новодел, но какой новодел! Броня одна чего стоит! На испытаниях умелец одного хитрого завода, работающего на оборонку, продемонстрировал качество своей работы, ударив наотмашь топором по доспеху. И ничего, выдержал доспех испытание.

За спиной снайперская винтовка, на груди болтается бинокль, в перешитой кобуре импортная машинка с накрученным на ствол глушителем. В общем, помесь русского витязя с американским Рембо.

Весеннее солнышко неизмеримо припекало. Расстегнутые верхние пуговицы на кафтане облегчения не принесли. Очень хотелось пить. Андрей потянулся рукой за бутылкой спрайта, спрятанной в сумке, и волосяной аркан, наброшенный ему на плечи стал для всадника полной неожиданностью. Резкий рывок, и Андрей, как пушинка, вылетел из седла, с силой приложившись головой об землю.

Очнувшись он от жуткого холода. Сейчас он лежал на покрытой прошлогодней травой холодной земле в чем мать родила, то есть абсолютно голый. Более того, был связан, и связан качественно. Голова раскалывалась от боли, виски разрывала пульсирующая боль. Но что значит боль по сравнению с обидой! Так глупо попасться. Обидно до слез. Хуже всего, что Андрей не знал, кто его пленил, чуть в стороне фыркала лошадь, и вдруг раздался сухой хлопок, следом послышался звук грузно упавшего тела.

Андрей крепко зажмурился, пытаясь прогнать головную боль, потом замер на минуту, прислушиваясь к окружающим его звукам. Ничего, кроме щебетания птиц и фыркания лошадей. Заставив себя мысленно сосчитать до ста, Андрей попробовал повернуться на левый бок. Получилось, но руки пронзила адская боль, видно, связали его по-хитрому. Рядом с Андреем, распластавшись на спине, лежал человек в грязном стеганом халате до колен. На ногах грязные сапоги из грубой кожи, но добротные сшитые. Каблуки отсутствуют, что странно. Конь чужака спокойно стоял рядом с хозяином, а вот жеребец Андрея ускакал и в поле видимости не наблюдался, но его присутствие было обозначено недовольным фырканием. На боку мертвяка очень широкий пояс из красного шелка, на кожаных ремнях к нему при помощи медных пряжек пристегнута кривая сабля в обтянутых желтой кожей ножнах, до нее – рукой подать, но каждое движение отдавалось нестерпимой болью в плечах. Превозмогая себя, Андрей перекатился и заерзал, пытаясь добраться зубами до сабли. С большим трудом это ему удалось. Осталось малое – вытащить клинок из обшитых тонкой кожей ножен.

Андрей замер, отдыхая, одновременно пытаясь совладать с нахлынувшим страхом. Никогда ему еще не было так страшно. Умом понимал, что страх вызван отсутствием одежды, что будь он хотя бы в штанах, то липкий страх не смог бы завладеть его сознанием. Наконец решившись, он, охая от боли, вцепился зубами в шелковую тесемку сабли, резко дернул головой. Клинок ненамного, но обнажился. Периодически останавливаясь на короткий роздых, Андрей умудрился на треть вытащить клинок. Теперь нужно снова миллиметр за миллиметром проползти вперед и извернуться спиной к сабле.

Андрей потерял счет времени, но смог перерезать стягивающие его путы, изрезав в кровь руки. Освободившись, с наслаждением сел голой задницей на землю и уставился на мертвеца с не предусмотренной создателем дыркой во лбу. Импортная игрушка с накрученным глушителем, ставшая причиной столь кардинальных технических изменений в конструкции создателя, валялась рядом с покойником.

Констатировав факт смерти обидчика, освободил от пут затекшие ноги. Его одежда валялась совсем рядом, достаточно руку протянуть. Боже! Как паршиво себя чувствует обнаженный человек. Первым делом он подобрал свою фляжку, трясущимися руками открутил крышку и сделал большой глоток коньяка. Сразу стало легче, покойник сразу перестал восприниматься как нечто фантастическое. Андрей осторожно толкнул мертвеца, потом ущипнул себя за руку. Нет, он не спит. А раз это не сон, то пора приводить себя в порядок. Сделав еще один большой глоток целительного напитка, стал суетливо одеваться, от волнения не попадая в ноги в штанину. Упал, чертыхнувшись, под внимательным живым взглядом низенькой кобылы.

Полностью одевшись, подобрал валявшийся рядом с мертвяком пистолет. Чужая кобыла вдруг взбрыкнула и резво отскочила в сторону. Он осторожно приблизился к лошадке с непропорционально длинным туловищем и легкой, острой снизу головой, венчавшей длинную шею, но та не подпускала его слишком близко. Андрей замер, пытаясь внутренне найти контакт с непослушной кобылой. Осторожно сделал маленький шагок, потом еще один, взял под уздцы, нежно обнял за шею, шепча ласковые слова и поглаживая гриву. Лошадь перестала дрожать, безоговорочно подчинившись человеку. Привязав кобылку к одинокому деревцу, растущему неподалеку, он без всяких угрызений совести занялся осмотром трофеев. К луке высокого седла приторочен чехол, в котором хранился налуч, с коротким луком и колчаном. Это понятно: оружие дальнего боя, а вот и другое оружие есть: медная булава и короткий топорик. Из имущества – кожаная сумка. В ней нашлось немного грубого хлеба, тонкие ломтики вяленого мяса, мешочек проса, мешочек с солью, суровые нитки и две иголки в костяном футляре. В другом мешке лежали овчинный тулуп и ярко-синие шаровары.

Мертвец под пухлым халатом носил кольчугу тонкого плетения с большой медной бляхой на груди. На голове полукруглый шлем с кожаной бармицей[3 - Бармица – оплечье, походившее на отложное ожерелье, оно делалось или из сплошного железа, или из нескольких железных частей, скрепленных

железными кольцами.]. По роже и по вооружению – типичный татарин: широкие плечи, короткая и толстая шея, продолговатый овал лица, прямой нос, правильный разрез карих глаз, не совсем густая бородка клинышком. Голова брита наголо. Вот только, насколько знал Андрей, татары, а это, скорее всего – татарин, судя по очень изогнутой сабле, кольчуги не носили. Или носили?

Немного повозившись, снял с покойника опояску из кожи, к которой прицеплялась сабля, затем широкий пояс, в складках которого обнаружился мешочек из мягкой кожи. Внутри весело звенели монетки, но Андрей отложил на потом исследование содержимого кошелька.

Простеганный в косую клетку толстый халат, местами залитый кровью, ему без надобности, а вот кольчугу стоит прибрать, решил Андрей и принялся мародерничать.

Ощупывая халат, он заинтересовался, отчего он такой толстый, сделал надрез на ткани и увидел содержимое начинки – конский волос. Стало любопытно, насколько такое чудо может защитить тело от сабельного удара. Аккуратно привязав халат к деревцу, наотмашь рубанул трофейной саблей. Железко рассекло халат с трудом, но подкладка осталась цела, конский волос оказался не по зубам сабельке. Нанести колющий удар кривой саблей немыслимо, пришлось доставать из ножен свою. Рубящий удар собственной слегка изогнутой саблей вышел чуть похуже, а вот колющий прошел на ура. Сабля, острие которой заточено с обеих сторон, легко вспорола халат. Будем знать, отметил про себя Андрей. При кажущейся простоте халатик – неплохая защита, если учесть, что под ним еще есть кольчуга. Осталось проверить на стрелу. За пятьдесят метров стрела прошла насквозь халат, ствол деревца и умчалась в неизвестность. Искать стрелу пришлось долго, но Андрей нашел.

Осталось вытряхнуть тело из кольчуги. Как ни старался снять доспех аккуратно, все равно вывозил его весь в крови. Под кольчугой прятался татарский хамьян[4 - Хамьян – кожаный или из крепкой материи кошелек для денег, очень длинный, иногда в виде пояса.], шитый из тонко выделанной кожи. Развязав тесемки, Андрей высыпал на землю его содержимое – дюжину серебряных брусочков. Это уже интересно. Собрав серебро, аккуратно затолкал брусочки в пояс-кошель и нацепил его на себя. Потом ножом отрезал кусок ткани от полы испорченного халата, нашел глубокую лужу и стал отмывать кольчугу от пятен крови. Когда работа была почти окончена, его словно током ударило. А вдруг татарин не один?

Андрей резко вскочил на ноги, суматошно оглядывая окрестности. Никого. Подобрал брошенную кольчугу, по-быстрому затолкал ее в мешок, прицепил трофейную саблю к луке седла. Донец, успокоившись, подпустил хозяина к себе, но приближаться к покойничку отказался наотрез, запах крови действовал на жеребца возбуждающе. Оставив лошадь в покое, он вернулся за трофейной кобылой.

Глава 3

Набег татар

За оврагом начиналась пологая возвышенность, и с вершины холма можно будет осмотреть окрестности. Андрей неспеша ехал по следам татарина и нашел место, где тот пересек овраг. Следы вели на холм. Он осторожно двинулся дальше, в любую минуту готовый развернуть коней и удирать сломя голову. Встреча с татарами в его планы не входила, хватит с него одного раза.

С вершины холма открывался живописный вид на местность, но красота Андрея не прельщала. Он очень долго разглядывал в бинокль окрестности: березовую рощу у подножья холма, за ней широкий луг, еще дальше текла река. Русло реки очень извилисто, если бы Андрей рискнул и сразу перебрался через овраг, то намотал бы немалый круг, двигаясь берегом, а так, если двигаться напрямки, то... Черт. Люди! Андрей испуганно замер, прильнув к окуляру. Всадники. Раз. Два. Три. Всего десять. Все в знакомых халатах, в меховых шапках на голове, трое так совсем в овчинных тулупах. Четыре груженных телеги с привязанными полуголыми мужиками, которые толкали транспортные средства, помогая запряженным в телеги тяжеловозам. Следом за телегами бредут пленники. Замыкали шествие навьюченные лошади, за которыми присматривал еще один обладатель длиннополого халата.

Невежливое обращение с одиноким путником симпатий к татарам не прибавило. Встречаться с татарами у Андрея не было желания, но вот народ, с обреченностью бредущий в неволю, оставлять без помощи не следует.

Приняв решение, Андрей стал действовать: пришпорил коня, двинулся наперерез обозу. Оставив лошадей в роще, выбрался из зарослей, опасаясь, что татары его опередили. Но нет, он успел вовремя.

Пожалуй, место подходящее, решил он, пройдя вдоль кромки леса в поисках удобной позиции. Когда прошел шок от встречи с первым человеком, Андрей перестал суетиться, полностью овладев собой. Он терпеливо ждал, изготовившись к стрельбе.

Татары в голове обоза миновали Андрея, боковое охранение поравнялось с ним. Татарин ехал слишком близко, внимательно всматриваясь в чащу. Вдруг в глубине леса послышалось конское ржание. Всадники отреагировали мгновенно, в их руках внезапно появились луки. Андрей не стал тянуть, нажал на спусковой курок. Сухо грянул выстрел. Татарин из бокового охранения кулем свалился под копыта лошади. Андрей перенес огонь на головных всадников. Над головой прошелестела стрела, вторая воткнулась в землю прямо перед носом Андрея. Но татары не могли его видеть! Бьют на слух. Но как? Это невозможно! Андрей снял последнего всадника, пытавшегося удрать. Замер, выжидая. Странно, но пленники освободились самостоятельно. Получив свободу, мужики быстро бросились к телегам, вооружаясь топорами, мечами. Кто-то ушлый завладел луком, сразу изготовившись к стрельбе, внимательным взглядом обшаривая кроны деревьев. Андрей готов был поклясться, что его заметили.

Прятаться не было смысла, пора налаживать контакт. Андрей поднялся, держа винтовку наизготовку, спокойно двинулся к обозу.

Его появление не осталось незамеченным. Полуголые мужики встретили незнакомца настороженными взглядами, не выпуская из рук оружие. Грязные бороды в остатках жидкой баланды на слипшихся волосах. Ну, правильно, татары пленных кормить-то кормили, а руки не развязывали, вот и лакали татарские рабы жидкую жратву, словно свиньи из корыта. Поискать в телегах, так и корыто найдется, усмехнулся Андрей.

Неопрятный внешний вид, отсутствие элементарной одежды и босые ноги не мешали мужикам грамотно взять пришельца в коробочку, перекрыв ему пути отступления.

С чего начать разговор, Андрей ума не приложил. Вроде бы все продумал загодя, а вот как повстречался с аборигенами, так все слова из головы вылетели. Рожи мужичков уж больно недружелюбные, ощерились, словно хищники на охоте.

Даже молодняк имеет шрамы на теле, а у мужиков постарше так совсем живого места нет. Некоторые шрамы совсем свежие, видно, хапнули мужички лиха в своей жизни.

– Здорово, мужики. Закурить не будет? – не придумал ничего лучшего спросить Андрей.

– И тебе не хворать, – степенно ответил полуголый бородач, уверенно державший в руках топор с узким лезвием. Речь бородача очень походила на то, как изъяснялась бабка. Андрей облегченно вздохнул, с коммуникацией проблем нет, он на Руси.

Совершенно неожиданно босоногий коротышка с широченными плечами и могучим торсом резко махнул саблей, нанося удар по голове Андрея. Рефлексы сработали сами по себе, но недостаточно быстро. Андрей отпрянул назад, но железо достало-таки его, рассекая кожу на лбу. Из раны обильно потекла кровь. В это самое мгновение чья-то сильная рука ухватила Андрея за шиворот, и последующий удар коротышки пришелся в пустоту. Андрей машинально приложил руку к ране, ладонь оросилась алой кровью. Рана пустяшная, оцарапал чуток лоб.

– Фома! – грозно зарычал бородач с топором. – Кто тебе, паскуднику, дозволил?

– Закрой пасть, Лука, – зло ощерился коротышка.

После этих слов в позициях, занимаемых мужиками, произошли существенные изменения. Даже те, кто не обращал внимания на странного пришельца, спокойно занимаясь потрошением убитых татар и разбором наваленного в беспорядке барахла в повозках, оставили свое увлекательное занятие, подтягиваясь к спорщикам.

Судя по всему, защитник Андрея имел меньший авторитет в этой стае волков. За Фомой пошла большая часть ватажки. Сорок на двадцать. Неважнецкий расклад. Это понимали все, но мужики, вставшие на сторону Луки, не

выказывали страха.

Андрей получил короткий тычок в бок.

– Саблю вынь! – хриплым, простуженным голосом сказал обладатель иссиня-черной бороды.

Андрей, все еще не отойдя от шока, медленно обнажил саблю, перекладывая клинок в левую руку, а в ладонь правой руки удобно легла рукоять пистолета. Второй раз он наступил сегодня на те же грабли. Сначала татарин повел себя очень агрессивно, теперь вот местные мужики не испугались странных смертей татар и с ходу попытались лишить его жизни. Что-то тут не складывается. Очень странная реакция у аборигенов на незнакомца.

В это время трое молодых парней освободились от пут, вооружаясь чем попало, кто ножом, кто косой-горбушей, а один так совсем взял в руки мотыку – деревянную лопату, окованную железом. Появление мальцов на стороне соперника Фомой было встречено презрительным плевком под ноги.

– Ну что, Лука, поговорим? – в голосе щербатого Фомы явно чувствовалась угроза.

– Ватаманом захотел стать? – ответил с издевкой ватажник.

Лука вел себя абсолютно спокойно, несмотря на численное меньшинство своих сторонников. Мальцы, вставшие на его сторону, погоды не делали. Против опытных воинов они не выстоят.

– А коли и захотел, то что? – Фома с вызовом смотрел на Луку. – Давай так, кладете железко на землю, и чтобы я вас больше не видел. Баб мы себе заберем, а этого, – кивок в сторону Андрея, – можете забрать. Токмо порты пусть сымет, – сделал предложение разбойник.

В этот самый момент двое разбойников, стоявшие чуть в стороне от своего предводителя, размахнувшись, бросили топоры в единственного лучника среди всей честной компании. Чью сторону примет единственный обладатель лука, было не совсем понятно, так как стоял он наособицу от всех. Как стрелец

умудрился остаться в живых, извернувшись от летящего в него железа, Андрей так и не понял, но лучник обладал великолепной реакцией – это факт.

Но он уже забыл о лучнике, на него самого напали сразу двое, один с коротким копьем, другой с огромным топором. Андрей застрелил обоих не задумываясь. Рядом с ним люди убивали друг друга с таким остервенением, что происходящая на берегу бойня казалась нереальной. Но кровь лилась настоящая. Андрей расстрелял всю обойму. Ни разу не промахнулся. Сначала имело место замешательство, он не знал, кто из увлеченно калечивших друг друга мужиков враг, а кто «свой». Но быстро сориентировался: с кем дрались мальцы, тот и враг, подлежащий уничтожению. Лишь однажды вышла ошибочка, он прострелил плечо мужичку с мечом, а его противник, опустив топорик на голову раненого, набросился на паренька с лопатой. Он еле успел исправить ошибку, пристрелив залитого кровью безумца, потратив на него аж четыре последних выстрела.

Андрей попятился назад, стараясь оказаться как можно дальше от схватки. Но вдруг в мозгу переключилось, и он, сам не узнавая себя, бросился в самую сечу, успев полоснуть саблей по широкой спине зачинщика ссоры. Фома еще смог обернуться, с ненавистью глядя на своего убийцу. Сабля Андрея описала полукруг и с легким свистом опустилась на шею Фомы. Андрей замер, ничего не понимая. Клинок прошел сквозь шею, не чувствуя препятствия, а Фома продолжал смотреть на Андрея широко открытыми глазами. Через несколько ударов сердца ноги разбойника подкосились, а голова плавно съехала по косому срезу и упала на землю.

Над местом схватки раздался громкий крик. Кричал Лука, высоко подняв отрубленную голову Фомы. Сражение прекратилось так же быстро, как и началось. Андрей не верил собственным глазам. Все, кто мог стоять на ногах, как ни в чем не бывало собирались вокруг Луки. Сначала робко, затем все сильнее раздался крики:

– Любо! Любо! Луку – в ватаманы!

Андрей было подумал, что он сошел с ума, но нет, все происходило наяву. Рана на лбу настоящая, и боль настоящая. Еще сильно прихватило живот. Убивать ему приходилось и раньше, но снайпер видит врага на расстоянии, а сегодня Андрей впервые убил. Да что там убил, он убил человека зверским образом: отрубил ему голову. Блевать совсем не хотелось, а вот опорожниться – даже очень.

– Вот и славно. Выбрали ватамана, – удовлетворенно сказал владелец лука и стрел, которых в его колчане заметно поубавилось после стычки.

Андрей не стал больше терпеть, бегом припустил за телеги, на ходу развязывая тесемку на штанах и пытаясь расстегнуть пуговицу. Как на грех, пуговица не хотела вылезать из петли, Андрей с силой рванул, вырывая злосчастную пуговку вместе с куском ткани. Уф-ф, успел.

Когда к нему вернулась способность мыслить, его взору предстала совершенно мирная картина. Разбойнички оказывали посильную помощь раненым ватажникам, а Лука, читая короткую молитву, добивал безнадежных. Андрея словно не замечали, стараясь не приближаться к нему близко, обходя стороной. Довольно странное поведение.

– Эй! Парень! Поди сюда, – позвал Андрей паренька, перерезавшего пути остальным пленникам.

– Я? – с испугом спросил тот, передавая нож как две капли похожему на него пацану.

Андрей заметил, что парни уже успели обуть ноги в кожаную обувь. А ведь во время избирательной кампании они, как все выборщики ватамана, были босиком.

– Ты. Ты, – дважды повторил Андрей. – Как звать тебя?

– Семен, – степенно представился парнишка.

– Там в лесу я лошадей оставил. Приведи сюда, если нетрудно, – вежливо попросил Андрей.

– Так я мигом, – пацан шустро сиганул в сторону леса.

– Сам-то кто будешь? – вопрос избранного что ни на есть самым демократическим путем ватамана разбойничков заставил Андрея вздрогнуть от неожиданности.

– Князь заморских земель я, – нагло соврал Андрей.

– Князь? – недоверчиво переспросил Лука. – Уж очень удивился такому ответу ватажник.

– Не похож? – Андрей нервно рассмеялся. Сказывалось нервное перенапряжение. Как-никак он отправил на тот свет четырнадцать человек. Повстречавшегося ранее татарина можно не считать, Андрей не виноват в его смерти. Ватажник предпочел не заметить нервозности Андрея, отвернувшись в сторону. Дождавшись, когда Андрей успокоится, он деловито продолжил:

– По правде все это твое, – Лука махнул в сторону телег с барахлом и большой кучи, в которую ватажники скидали одежду и оружие убитых татар. – То по правде. Но ты один... – он замолчал, внимательно глядя на Андрея.

Андрей предпочел промолчать, гадая про себя, куда клонит разбойник. Так и не дождавшись ответа, Лука запустил пятерню в склокоченную бороду.

– Мыслю я, что все тебе не нужно.

Андрей продолжал молчать, внутренне проклиная себя, что забыл перезарядить «беретту».

– Оружие наше и доспех, что татары с нас сняли, нам верни. То справедливо будет. Фома, упокой Господи его грешную душу, взяв верх, тебя бы не помиловал, – сказал Лука и широко перекрестился.

Ватаман очень не хотел убивать этого странного человека, назвавшегося князем, но оружие и доспехи ватажки Лука не собирался отдавать за здорово живешь. Одни мечи, хоть их не более двух десятков на всю ватажку, стоили огромного состояния. Самый плохонький меч и тот стоил самое малое три гривны, а еще датские топоры, а про доспехи и говорить нечего. Теперь, после побоища, доспехов хватит на всю сильно поредевшую ватагу. Нет, Лука нипочем не отдаст оружие. Если нужно будет, убьет этого малахольного, ну и крестьян придется прирезать тоже. Свидетели душегубства ему ни к чему. Грех, конечно. Но одним грехом больше, одним меньше. Опосля пожертвует гривну[5 - Гривна – длинная серебряная палочка весом около 204 грамма. Имела наибольшее значение в денежном обращении. Изначально была распространена на северо-

западе Руси, а с середины XIII века распространилась по всей территории Древней Руси.] на помин души убиенных. Нет, лучше две.

У Андрея глаза чуть на лоб не вылезли, ватажник крестился двумя перстами! Так крестилась его бабка староверка! Это значит, он попал совсем в седую древность! Татары есть в наличии, церковный раскол в семнадцатом веке случился, уже можно сузить временной интервал до трех-четырёх веков, уже легче. Вот только чем легче?

– Забирайте, мне не жалко, – Андрей предпочел решить дело миром, не ровен час, тюкнут по темечку, и пиши пропало. А умирать очень и очень не хотелось.

– Да и крестьянский скарб мне ни к чему, пускай крестьяне забирают свою рухлядь. – Андрей посмотрел в сторону женщины с двумя дочками, испуганно жавшимися к матери.

Рядом с ними на голой земле сидели двое мужчин. Один, похожий на гриб-боровичок, пытался привести в чувство безразлично уставившегося в одну точку мужика, еще совсем не старого. Двое братьев, принимавшие участие в схватке за ватаманство, в это время помогали разбойникам рыть могилу для убитых.

– Как скажешь, – Лука меланхолично пожал могучими плечами.

Если бы не маленький рост, от силы метр шестьдесят, то мужика можно было бы назвать русским богатырем. Впрочем, кто его знает, какой рост был у Ильи Муромца и других защитников Отечества? Да и Лука с собратьями совсем не походил на роль защитника Земли Русской. На роже написано – бандит и душегубец с большой дороги, пробу негде ставить.

– Что мыслишь делать? – ватажник задал главный вопрос, а значит, убивать Андрея в его планы не входило.

– На службу пойдете ко мне? – неожиданно спросил Андрей.

А что ему еще оставалось делать? Не оставаться же одному, непонятно где и непонятно когда, да еще шныряют тут нехристи всякие, увешанные железом, словно рождественская елка.

Лука не успел ответить, так как невдалеке раздались остервенелые крики. Один из татар оказался живее всех живых, и сейчас он живо улепетывал в сторону леса, на бегу придерживая рукой болтавшуюся на левом боку саблю.

– Живым братья бесермена! – потрясая пудовыми кулаками, заорал Лука, видя, что стрелец вскинул лук.

В последний момент лучник сумел сбить прицел, и стрела прошла мимо беглеца.

В этот момент из леса, ведя на поводу коней, появился Семен, отправленный Андреем забрать лошадей. Парень лихо вскочил на коня и рванул наперерез убегающему татарину. Беглец обреченно остановился, обнажив кривую саблю.

Семен гарцевал рядом с ним, не решаясь нападать. Все внимание степняка было приковано к противнику, преградившему путь к спасительному лесу. Заслышав конский топот со стороны преследователей, он чуть обернулся, и волосяной аркан упал ему на плечи. Семен воспользовался моментом, арканом он владел как заправский степняк. Хорошо, что парень выбрал именно татарскую кобылу, а не донца Андрея. У погибшего степняка был в арсенале аркан, которым тот полонил Андрея, теперь оказавшийся очень кстати. Парень лихо погнал кобылку, волоча за собой пленника. Андрей поразился, что пленник, а это был совсем еще молодой татарин, не изрезал себе ноги, сабля-то тащилась вместе с ним, и парень, крепко зажав в кулаке темляк, не выпускал ее из рук. Но воспользоваться саблей он не смог, его тут же разоружили, мимоходом отвесив несколько сильных пинков.

Андрей очень просил Луку не калечить парня, на что ватажник молча кивнул головой, приступая к допросу.

Пацан долго не запирался, рассказал все, что знал. Луку прежде всего интересовал вопрос, куда подались остальные татары? И где должна быть встреча разделившихся отрядов? Парень по-честному рассказал все без утайки.

После допроса Лука вновь подошел к Андрею, успевшему уже наложить повязку на рану. В этом ему очень помогли молодые девицы вместе с их матерью.

– Девять десятков и еще три татарина идут следом за нами. Полон ведут большой. Пограбили княжеские деревеньки. Что делать мыслишь?

– А что я должен делать? – Андрей догадывался, куда клонит Лука, но татар втрое больше. Неужели он собрался напасть на татар?

– Мыслю я промыслить бесермен, с божьей помощью, – Лука пристально смотрел на Андрея.

– Лука! – Андрей действительно не понимал ватажника. Лезть в сечу, заранее зная, что противник намного сильнее. – Это безумство.

– Ты тут наследил изрядно, княже, – Лука укоризненно покачал головой. – Татары все одно нас найдут. Не спрятаться нам.

Ну вот, это он, получается, наследил, а не сами ли ушкуйники устроили бойню междусобойную, да еще могилу для погибших не поленились вырыть и похоронить честь по чести. Даже крест поставили на могилке.

– Афанасий сказывал, что убитые все – твоих рук дело, – то ли спросил, то ли утверждал ватажник. – Да и видели мы смерть бесермен своими глазами.

Андрей давно ждал вопроса об оружии, сгубившем татар и ватажников. Он-то понимал, что рано или поздно вопрос этот будет задан. Странность заключалась в отношении ватажников к непонятному способу убийства. Вместо страха или, на худой конец, интереса к непонятным железякам, несущим смерть, ватажники все как один демонстрировали полнейшее безразличие. Даже чуточку стало обидно. Он-то предполагал, что непонятное оружие вселит в души мужиков суеверный страх, а в действительности все не так. Где традиционное напоить, накормить, баньку истопить? Где хваленое русское гостеприимство? Нету! А вот сабелькой по роже – это пожалуйста.

Вообще все не так. Одна сплошная агрессия в отношении незнакомца, пускай и спасшего их от татарской неволи. Тот факт, что он все еще жив, а не валяется с перерезанным горлом, – целиком и полностью воля Луки. Это понятно без слов. Вот только что дальше делать? Самое разумное, собрав манатки, всем вместе уйти в лес и постараться спрятаться там, переждав, когда уйдут татары. Но ватажник прямо предлагает иной путь. Что ответить? Какое решение принять? Отказаться – чревато, убить, может, и не убьют, но бросят одного в этой глуши как пить дать. Согласиться? Но роль лидера останется за Лукой, что не есть

хорошо. Черт, нужно решаться. А, была не была!

– Хорошо, – Андрей принял решение. – Я уничтожу татар. Вы мне в этом поможете, – он сознательно формулировал ответ именно таким образом, чтобы расставить все точки над «і».

В ответ Лука криво усмехнулся в растрепанную бороду. Раз не хочет говорить о своем оружии, что ж, князь в своем праве. Хочет взять верх, пускай потешится. Там оно видно будет.

Наскоро перекусив татарскими припасами, ватажники облачились в свои брони, вооружившись до зубов всяким разным железом. Трофеи с убитых татар так и лежали сваленные в кучу перед Андреем. Братья-погодки сами вызвались упаковать барахло, Андрей, видя горящие от восторга глаза пацанов, когда они упаковывали доспехи и оружие, щедро разрешил братьям взять все, что им понравится. Упрашивать парней не пришлось, они отложили в сторону поножи, кольчуги тонкого плетения, кривые сабли, кинжалы и ножи, также выбрали себе по короткому луку. Разумеется, одежда им тоже пригодилась, вплоть до овчинных тулупов и меховых татарских шапок. Нарядившись в татарскую одежду, они дружно поклонились в ноги Андрею и попросились к нему на службу. Вернее, младшие скромно молчали, а говорил от имени всех братьев Семен, на правах самого старшего. И просились они в холопство! Служить князю – верх их мечтаний!

Это стало полной неожиданностью, так что Андрей сдуру согласился. Пускай они молоды, но не убоялись ведь пойти на разбойничков, кто с ножом, а кто и вовсе с лопатой. Да и как источники информации братья могут пригодиться. Опять же за лошадьми присмотреть, дрова насобирать, обед сготовить, все же не самому делать. Раз назвался князем, значит, невместно ему вести себя, словно смерду.

Андрей успел за этот час разобраться в иерархии ватажников. Безусловным лидером разбойников являлся уже известный Лука Фомич, судя по выговору, уроженец Новгорода. Все его приказания исполнялись быстро и беспрекословно.

Опирался Лука на нескольких товарищей. Прежде всего на мужика с иссиня-черной бородой, с пудовыми кулаками и широченными плечами. Косая сажень в плечах – это про него сказано. Судя по рельефу мышц, Кузьма когда-то был молотобойцем в кузне или очень долго сидел за веслом галеры. Говорил Кузьма

редко, но всегда по делу.

Вторым товарищем был Афанасий, единственный лучник, а правильней сказать – стрелец, в разбойничьей ватаге. Среднего роста, как все ватажники, бородатый, с прямым открытым взглядом светло-серых глаз.

Еще одним помощником Луки являлся Фома Молодой. Угрюмый, мрачного вида мужик, со старым уродливым шрамом лице. Даже густая борода не могла скрыть косой шрам, протянувшийся через все лицо, от левого виска до подбородка.

Имена и прозвища остальных ватажников Андрей не запомнил, нереально за час запомнить всех поименно, ватажников три с половиной десятка человек, да раненых с дюжину. Демократические выборы атамана сильно проредили ряды разбойников. Остальные спасенные – крестьяне одной из деревенок. Три брата-погодка, Семен, Федор и Кузька – вот все, с кем успел пообщаться Андрей.

Главное, он узнал, куда занесла его судьба. Вопросы удивили пацанов, а именно их выбрал Андрей в качестве информаторов о местном житье-бытье. Надежды Андрея на цивилизацию рухнули в одночасье, на дворе Средневековье, шел шесть тысяч девятьсот сорок второй год. Великим князем в Переяславле сидел некто Иван Федорович[6 - Иван Фёдорович (ум. 1456) – рязанский великий князь (1427–1456), младший сын Фёдора Олеговича и Софьи Дмитриевны, дочери Дмитрия Донского.], государь этих земель, внук знаменитого князя Олега Рязанского[7 - Олег Иванович Рязанский – великий князь Рязанский с 1350 по 1402 год.]. Великому князю принадлежали все окрестные земли. При деде нынешнего князя рязанские волости были даже на Дону, но сейчас там одно запустенье. В Орде сейчас власть делят, вот казаки-татары и пользуются моментом, грабят русские земли. При Олеге-то они по чавке получали регулярно, а сейчас князю не до них, да и мало теперь воинов в княжестве. Раньше местные крестьяне ходили под боярином Степаном Рваное Ухо. Ох, и лихой был боярин! Не только разбойников бил, но и сам за зипунами ходил в степь.

Большие татарские рати на Русь ходили проторенными сакмами[8 - Сакма – изначально след на земле, оставленный зверем или конницей. Позднее сакма означала всякую проторенную, испытанную, проверенную дорогу. В русской летописной терминологии сакмы – пути (маршруты) передвижения татарских войск, а также главные дороги из Орды на Русь, из степей на Русь.], минуя эти места, бог миловал, а мелкие ватажки забредали сюда в поисках добычи исключительно зимой. Пять дюжин воев боярина легко справлялись с

разбойниками, но два лета назад боярин попал в засаду и был убит. Потом татары пограбили деревеньки и захватили боярскую усадьбу, оставшуюся без защитников.

Рязанские бояре вообще отличались буйным нравом. Великие князья им потворствовали, наделяя поместьями на окраинах княжества. Именно за счет таких буйных голов прирастало Рязанское княжество новыми землями и долгое время соперничало с соседями на равных.

Собирая оброк с крестьян, богатым не станешь, а отбив набег соседей, да хоть тех же татар, можно за раз взять добычи столько, сколько за десять лет не соберешь оброка. Но цена такой веселой и обеспеченной жизни всегда высока – жизнь, причем своя собственная.

По бездетности покойничка, упокой Господи его душу, хороший был человек, деревеньки с землями отошли обратно к великому князю. А значит, народ снова платит тягло в полном объеме, по старине.

За короткое время Андрей получил море информации о хозяйстве немногих деревенок этой земли. Сколько четей в поле у каждого хозяина, какой оброк платили боярину, сколько теперь платят князю, сколько скотины держат и много чего еще рассказали братья.

Вопреки устоявшемуся мнению современных историков, новости на Руси распространялись быстро, потому братья были также в курсе политических событий последних лет и цен на продукты питания и скотину. Главными поставщиками новостей являлись коробейники, которые покупали разный товар в Переяславле, Пронске и Рязани и на лодках развозили его по деревням, выменивая на мед, рожь, меха и так далее. Сами крестьяне редко отправлялись на торг в большие города. Обычно, если и были такие поездки, то по первому снегу. От такой поездки прибыль была намного больше, чем от продажи скупщикам на месте. Но когда нужда прижмет, отдавали за необходимые в хозяйстве вещи продукты своего труда почти за бесценок. Да еще в последнее время князь требовал не натуральный оброк, а серебро. А где его взять-то в глухой деревне? Конечно, полностью натуральный оброк не был заменен денежным эквивалентом и составлял лишь небольшую часть оброка, однако же больно это ударило по экономике натурального хозяйства. На пересчете товара в денежном эквиваленте получалось, что незаметно величина оброка возросла процентов на двадцать – двадцать пять, а если не ездить на торг

самостоятельно, то и вдвое. Но кто будет спорить с князем? Так и жили.

Оставив крестьян с телегами в лесу, ватажники, разобрав низкорослых лошадок, двинулись навстречу возвращавшимся с набега татарам.

Кстати, языкового барьера между русскими и татарами не существовало. Пленный татарин говорил по-русски очень хорошо. Но как оказалось, в этом ничего удивительного нет.

Многие татары вполне сносно владели русским языком, а были среди татар и вовсе говорящие на чистом русском языке, да и по лицу не вполне можно было понять, русский перед тобой или татарин. Но это больше все относилось к татарской знати. Взять в жены дочь княжескую или выдать свою дочь за русского князя или боярина по тем временам считалось нормой.

Братья поведали, что, со слов пленного, известно, что татары, посчитав, что добычи взяли мало, отправились грабить окрестные деревни. Шансы на успех у них были неплохие. Крестьяне с косами и вилами не смогут оказать сопротивления и станут легкой добычей. Главное тут – успеть убежать от княжеской дружины и увести полон. Но дружина князя далеко, исполчать войско из-за малого набега князь не станет.

«Итак, что мы имеем в раскладе? – предался размышлениям Андрей. – Ватажка разбойников отправилась вдоль реки. Если верить братьям, а не верить им причин нет, за полдня татары доберутся до деревни. Сельцо большое, дворов шестнадцать будет. Видимо, все окрестные поселения тяготили к этому Васькино. И скорее всего в Васькино собирается оброк с окрестных деревень для его последующей отправки князю. То, что деревня княжеская, и так понятно.

Нападение на сельцо и приведение населения до потребной кондиции, то есть состояния покорного стада на привязи у собственной телеги, займет у разбойников час-полтора, максимум два. Потом они будут добро вытаскивать, искать схроны. Следовательно, часа два-три на грабеж у татар уйдет. Движение обратно будет замедленно, скорость телеги невелика. А это значит, что перехватим мы степняков как раз под вечер».

– Сенька! – окликнул Андрей старшего из братьев.

Парень что-то горячо обсуждал с младшими братьями, услышав голос Андрея, торопливо оглянулся на князя и направил коня в его сторону. Поравнявшись с князем, с ходу предложил:

- Князь, дозвожь в дозор отправитьсяя?

- Вот, верно малец говорит, а с ними пусть Митяй поидет, - внес корректировку Лука.

- Отправляйтесь, - разрешил Андрей.

Лука приотстал, потолковал с обладателем шикарной рыжей бороды, видимо, это и был Митяй. Через минуту парни во главе с рыжебородым ускакали в дозор.

- Лука Фомич, думаю, брать татар нужно под утро. Пусть на ночлег встанут, а на рассвете мы их и возьмем, - предложил Андрей.

- Кони учуять могут, - озабоченно сказал новгородец. - Собачек-то я у них не видел, но кони похлеще собак сторожат. Если бог даст, то побьем татар. Ты вот что, боярин, скажи, зачем тебе дружина, если вотчины у тебя нет?

- Вы же, Лука, ушкуйники. Не спорь! Это видно сразу. По оружию вашему, да и что удальцам делать во владениях рязанского князя? Я вот только не пойму, где ваши кораблики?

- Так пожгли татарва, наверное, ушкуи, им оне не надобны. Мы на берегу на ночлег стали. На зорьке сон самый сладкий, сторожи задремали, и татарва их порезала по-тихому, они это умеют, и давай людишек хватать. Почитай, сонными всех и взяли. Атаман наш только с малым числом товарищей успел за сабельку взяться. Да куда там... Арканы накиннули, повязали, а атамана стрелами побили.

- Пьяные что ли все были? - сделал предположение Андрей с ехидной улыбкой.

- Самую малость, - честно признался Лука.

– Ясно все с вами. Мед до добра не доводит, – Андрей криво усмехнулся и, собравшись с духом, ответил на вопрос Луки, внимательно следя за реакцией матерого ушкуйника. – А дружина мне потребна не для пригляда за смердами, сам понимаешь. Для дела моего нужны мне люди смелые, но молчаливые.

– Ну, коли так, то мы согласные, – широко улыбнулся Лука Фомич, опытный воин вполне удовлетворился ответом князя.

– Будет время, обсудим с тобой все ладом, Лука Фомич, – пообещал Андрей. – А пока передай мужикам, что татар до смерти бить не нужно. Человек с десятков мне нужны, в полон, желательнее помоложе.

– Отроки или слуги?

– Что отроки? – опять не понял новгородца Андрей.

– Мужики – это бояре. А в дружине твоей отроки или слуги, – пояснил Лука и пообещал: – Будет тебе полон, барин.

– Вот и славно, – удовлетворился ответом Андрей.

– Только куда ты его девать будешь? – удивленно спросил Лука своего нанимателя и тут же поинтересовался дальнейшими планами князя: – Вот побьем мы татар, а дальше куда?

– Ушкой покупать, – повернувшись, Андрей подмигнул опешившему Луке. – Негоже судовой рати моей болтаться на конях.

– Это верно, – согласился ватажник. – Нам на воде сподручнее, но не прав ты, княже, – на кононях мы тоже привычные.

На первый вопрос Андрей предпочел не отвечать, он сам не знал, зачем ему пленные татары, но убить безоружного пленного татарчонка он бы не смог, и Кузьме не позволил, уж было собиравшемуся перерезать глотку парню.

Андрей, несмотря на то что нанятые им воины были самыми настоящими разбойниками, был уверен, что его не ограбят, не убьют, и полностью доверял

теперь уже своим людям. Его доверие воспринималось как должное, вроде бы иначе и быть не могло. Это могло бы показаться абсурдным, но само появление Андрея в прошлом с точки зрения науки – полный абсурд, и ни один здравомыслящий человек в этот факт не поверит. Однако все здравомыслящие люди остались далеко и скептиков, к счастью, рядом не наблюдалось, чему Андрей был искренне рад.

– Лука Фомич, а ты в Казани был? – неожиданно спросил он новгородца.

– Я, князь, много где бывал, был и в Казани. Ничего хорошего там сейчас нет. Нищета одна на сотню верст вокруг. А почто интересуешься?

– Да так, – неопределенно промолвил Андрей. – Ежели ты человек бывалый, то мне польза от тебя выйдет.

– Вона оно как, – ватажник усмехнулся в бороду. – Ты сам-то, князь, откуда будешь? – задал встречный вопрос Лука Фомич.

«Действительно, откуда я буду? Что может понять простой средневековый мужик о стране, которая будет через много сотен лет на этих вот самых местах? Не стоит говорить мужику правду», – молниеносно решил Андрей.

– Издалече, – он постарался увести разговор в сторону от опасной темы. Правду сказать – не поверят. Врать не хотелось. И так уже с три короба наплел про копье святого Георгия.

– Ты вот что, Лука Фомич, – Андрей наконец решился заговорить о том, что его так мучило последние часы и не давало покоя. – Скажи отрокам, чтобы не болтали про мое оружие. То тайна великая. За разглашение смертью буду казнить, – вот в последнем Андрей не был уверен.

Кто его знает, имеет ли право князь казнить своего слугу, а ну как нет? И князь-то он князь, но признание простых мужиков не значит, что его признают элиты общества. Было над чем подумать, но информации катастрофически не хватало.

– И думать так не могли. Мы все миром решили уже блюсти тайну, визнают вороги – замучают. А с тобой, княже, мы такие дела провернем... Ты не думай –

мы не шалапуги какие-нибудь, мы люди честные, промышляем татарами. Купца там возьмем или еще что... Православных не трогаем, не озоруем. Чаю, Бог тебя нам послал. Из полона освободились да еще на службу ты нас взял.

- Как считаешь, в Рязани ушкуи или струги есть на продажу?

- Резань, а не Рязань, - поправил Андрея Лука.

- Угу. Так как? Есть?

- Смотря какой ушкой, ежели морской то вряд ли, а речной - можно. И не в Резани, а в Переяславле. Токмо смотреть нужно, боярин, кораблики бывают разные. Есть добротнo сделанные ушкуи, а есть от силы год-другой проходят. Эх, жалко ушкуи наши, добрые корабли были. Мы с Хлынова шли. Атаман решил через тутошние земли сволочь кораблики на Дон, да видно не судьба.

Лука замолчал, видимо, мысли по судьбе товарищей легли на него тяжким грузом, разговор не поддерживал, отвечал на вопросы односложно - да, нет, не ведаю. Так и продолжали ехать молча, каждый думая о своем. Андрей, видя, что Лука не расположен к продолжению беседы, стал любоваться красотами природы.

Впереди показался лес, вплотную подступающий к берегу реки. Справа виднелась неширокая просека, уходящая сквозь дубраву в сторону холма, на вершине которого виднелась соломенная крыша деревянного строения, явно пошли места обжитые. Татары не стали жечь деревню, не желая оповещать окрестности о своем появлении.

- Мы тут за сеном ездим, там за дубравой сразу наша деревенька будет, - торопливо пояснил крутившийся рядом Семен. Все время в дороге братья старались держаться вблизи Андрея. И после того как Лука попридержал коня, оставляя Андрея одного, Семен сопровождал его, не отставая ни на шаг. - Мамку похоронить бы надо, - хмурo сказал парень, не глядя на Андрея.

Андрей скомандовал сворачивать к деревне. Лука был недоволен его решением, но смолчал, не стал перечить.

Деревня оказалась не совсем деревней. Всего один крестьянский двор, но очень большой. Во дворе, у высокого крыльца, там, где застала их злодейка смерть, лежали два окоченевших трупа: женщины и грудного младенца. Немолодую, но еще очень красивую женщину зарубили сабельным ударом, а ребенка убили с невероятной жестокостью, ударив головой об бревно крыльца.

Маленький трупик с разможенной головкой не вызвал никаких эмоций у спутников Андрея, разве что перекрестились они мимоходом. Семен бросился к убитой матери, обнимая остывшее тело. По лицу парня текли скупые мужские слезы.

Ватажники тут же во дворе добротного дома быстро вырыли неглубокую могилу, уложили в нее тела убитых головой на запад и торопливо закидали сырой землей.

Андрей умом понимал, что ребенок все равно был обречен, даже если бы его не убили, а оставили в доме одного, то это верная смерть. Оставить его матери равносильно смерти. Ночи холодные – младенец не выживет. С точки зрения татарина, такая смерть ничем не лучше и не хуже любой другой смерти, младенца просто избавили от мучений. Вот только Андрей пока никак не мог принять такую циничную точку зрения на ценность человеческой жизни. Ну да не им сказано – со своим уставом в чужой монастырь не суйся. Зарубленную бабу жалко, видно, сгоряча ее порешили, когда она, обезумевшая от горя, бросилась на убийцу своего дитя.

Утрамбовав могильный холмик, Семен при помощи Фомы установил крест – две палки, связанные поперек кожаным ремешком.

– Пора, – Андрей старательно перекрестился двумя пальцами и двинулся к оставленным за воротами дома лошадям.

Тем временем начало смеркаться. Впереди показался одинокий всадник, несущийся галопом им навстречу. Всадником оказался Кузька, младший из братьев, посланный с вестью от Митяя.

– Татары! – издали закричал он, спеша оповестить господина об обнаруженных бесерменах. – Поприща четыре будет. Остановились на ночлег. Сотня и еще дюжина. Полон ведут большой. Больше, чем самих татар. Повозок много.

Возницами у них наши православные сидят – васькинские.

Андрей остался внешне спокоен. Стыдно взрослому мужику выказывать страх, особенно перед пацанами, когда все полны решимости побить татар, даже Кузька, которому едва исполнилось шестнадцать зим, готов сражаться. Но один против четверых это безумство! Лука, видно, лукавил насчет того, что ватажники смогли ополовинить татар. В лучшем случае побили с десяток, да и только...

Отчего тогда Лука так рвется настигнуть татар? И еще странность обнаружилась в поведении ватажника: он лично осмотрел каждого убитого татарина, но, видимо, не нашел того, что тщательно искал. Что это могло бы быть?

– Лука! Вот скажи ты мне, зачем ты так рвешься напасть на татар? И что ты искал у убитых? Не нашел?

– Глазастый ты, князь, – ватажник криво усмехнулся, разом напрягшись. – Верно подметил. Искал я пояс атаманский. Богатый пояс, да что говорить – цены немалой он. Но цена его не в богатом украшении, а в том, что там зашито...

– Так, если там серебришко, то татары вмиг учуют. – Андрей не удержался от смешка.

– Да нет, – помотал головой новгородец. – Чертеж там. Зашит так искусно, что ни в жизнь не догадаешься. Мы же на Дон шли. Вот.

– Интересно было бы взглянуть на твой чертеж, Лука. Но даже если и пропал твой пояс, не печалься. Тайна пути мне ведома.

У Луки от удивления глаза чуть не вылезли из орбит и челюсть отвисла почти до пуза.

– Рот-то прикрой, Лука Фомич, – съехидничал Андрей. – Ты вот скажи мне, как думаешь, татар брать будем? Пеше или конно?

– Мыслю я, подойти нужно скрытно. Скрасть сторожу ихнею. Потом ударим. А пеше или конно – посмотреть нужно, как встала татарва на ночлег. Главное – не дать им уйти.

Оставив коней, Лука с Андреем скрытно подобралась к стоянке степняков. Те расположились с умом. С одной стороны их прикрывала река. С остальных сторон широкий луг. От леса до стоянки – чуть больше поприща.

Стрельцов, включая Андрея, у них было пятеро. Хорошие лучники всегда редкость, а Афоня – лучник от бога. Каким ветром его занесло на Вятку, то только ему ведомо. Но пришел он туда лет десять назад. Один. Поставил дом. Женился. Детишки народились, но все рухнуло в один из набегов луговых черемисов, в бездумной жестокости своей дававших татарам сто очков форы. Татары убивали только тех, кто оказывал сопротивление, для татар русские что скот, который с выгодой можно продать, а вот черемисы – те резали всех подряд. Русские им отвечали не меньшей жестокостью. Афанасий служил тогда в сторожевой сотне и был отправлен воеводой сопровождать обоз, что шел за солью. Когда Афоня вернулся, на месте дома нашел пепелище и общую могилу, в которой чохом похоронили всех убитых в том набеге селян.

С горя Афоня надерзил воеводе и был прогнан из сотни. Прибился тогда горемычный к ватажке ушкуйников, а те только рады занять настоящего воя, да еще к тому же отменного лучника. Сами ватажники больше самострелами баловались.

Стрельцы расчехлили тохтуи, вынимая тугие луки. Семен после похорон матери вынул из схрона три саадака. Только сейчас Андрей смог рассмотреть луки братьев. А посмотреть было на что. Луки-то не охотничьи. Настоящие, боевые луки. Цены немалой. Отец на меч взял, не иначе. Купить такие – целое состояние нужно, но не продал трофеи старый воин. По всему видать, готовил себе смену бывший княжий дружинник.

Андрей расчехлил свой спортивный лук. Стрелы – продукт современных технологий. К слову сказать, на окружающих лук Андрея не произвел впечатления. Лишь Афанасий молчаливо уставился, словно вопрошал, а как же копье святого Егория? Вот такое незамысловатое название ватажники дали оружию Андрея.

– Силы равны. Справимся и так, – буркнул Андрей и поспешил поменять тему. – Ну, кто что думает, как будем промышлять татар?

– Мыслю я, на рогатину их брать надо. Сила малая пусть обойдет с низовьев и ударит пеше. Татары же на стрельцов отвлекутся, пещцы тем временем незаметно подберутся к ворогу. А вы стрелами нас прикроете со стороны леса, – внес предложение Лука, как самый старший среди собравшихся на совет.

Остальные вои молчали. Афоня только предложил сначала снять дозорных, а потом уже нападать. Все с ним согласились.

– Ну, раз так. Быть посему, – принял решение Андрей. – Снимаем дозорных и сразу атакуем. Как рассветать начнет, так сразу и начнем.

Договорившись о сигналах, стали расходиться. Меньше дюжины новгородцев во главе с Кузьмой растворились во мраке леса, они должны обойти лагерь и отсечь бесермен от лошадей. Андрей со стрельцами скрытно выдвинулся на позицию. Время тянулось крайне медленно. Так всегда бывает в минуты ожидания. Лагерь степняков медленно засыпал. Лишь в стороне от костра двое молодых татар утоляли похоть, насилуя несчастных пленниц.

Остальные полоняники, согнанные в одну кучу, жались друг к другу. Весной ночи холодные. На многих из них лишь рубахи и штаны. У некоторых и того не было.

Лошадей татары отправили на выпас, и пешая рать в первую очередь должна была отрезать татар от коней. Лагерь степняков огражден возами, поставленными полукругом. Большинство бесермен вповалку улеглись спать прямо у костров. Про сторожу татары не забыли, выставили пяток человек. Для стрельцов удачей стало то, что все они сидели у костров. В свете яркого отблеска огней отчетливо видны силуэты дремавшей сторожи.

– Пора, – очнулся от своих размышлений Андрей.

Совсем рядом раздался крик ночной птицы: это Кузька подавал условный сигнал. Дозорные татары испуганно вскочили, пристально всматриваясь в чашу леса. Андрей плавно навел наконечник стрелы на цель – вскочившего на ноги татарина, натянул тетиву до уха, не отрывая глаз от цели, и плавно спустил

тетиву, когда наконечник стрелы коснулся большого пальца левой руки. Стрела ушла с легким шелестом, вошла точно в низ живота татарина по самое оперение. Андрей сделал поправку в прицеливании, используя в качестве прицела уже мизинец левой руки – вторая стрела вошла точно в основание черепа бегущего к лошадям степняка.

Следующая стрела, Андрей мог поклясться, отскочила от груди татарина, но степняк, опрокинутый силой удара, смог-таки подняться на ноги. Андрей пустил еще одну стрелу, целя уже чуть выше макушки шелома.

Татарин легко отмахнулся от летящей в него стрелы, но снова свалился, еще одна стрелка ударила его по остроконечному шелому. Непонятно, то ли убит, то ли оглушен, да и бог с ним, главное, что сейчас он не боец.

От громкого топота несшихся галопом верховых новгородцев табор всполошился, пронзительно завывали пленные русские бабы. Стрелы падали и выкашивали мечущихся по табору людей. Сколько татар они побили стрелами, Андрей затруднялся сказать, но уверен, что только от его стрел погибли не менее семи степняков. Те из татар, кому удалось вырваться из табора и добежать до табуна, были встречены новгородцами, отсекавшими татар от лошадей. Сабля хороша в конном бою, да еще когда татар больше, а парировать сабелькой удар топора – гиблое дело. На стороне новгородцев внезапность, но татар больше, и, судя по звенящему железу, там разгорелась нешуточная битва.

С конницей вот вышла осечка. Часть татарских воев успела изготовить луки, и стрелки успели ссадить с коней восьмерых новгородцев, и те распластались на земле, не подавая признаков жизни. Ватажники, кому повезло доскакать до телег, взяли татар в пики и, побросав уже бесполезные копья, споро прыгали с коней на возы, с громким криком врбаясь в поредевшие ряды татар.

Всё это за мгновение промелькнуло перед взором Андрея, и он, в азарте бросив лук на землю и обнажив саблю, бегом помчался к лагерю. Рядом, бряцая доспехами, бежали братья. Преодолев половину расстояния до лагеря, они разом остановились, и князь услышал, как вновь басовито запели тетивы луков.

Андрей рванул вперед, резко ускоряясь, с силой оттолкнувшись от земли, на ходу запрыгнул на телегу. Замешкался, пытаясь удержать равновесие, и словил стрелу в грудь. Давно забытые ощущения детства: словно играя в хоккей,

получил шайбой в грудь. Дыхание сперло разом. Зерцало выдержало удар тяжелой татарской бронебойной стрелы. Делали доски на заводе частным порядком, из титана, и мастер-умелец клятвенно заверил Андрея, что если бы такие брони были у наших пращуров, то стоили бы они на вес золота. А так с виду доспех ничем не отличался от того образца на фотографии, который Андрей представил в качестве прототипа. Стрела отскочила с противным звоном.

Восстановив дыхание, Андрей окинул взором поле боя. Ситуация складывалась явно не в пользу ушкуйников. Потеряв еще двоих при штурме телег, они теперь уже сами отбивались от наседавших татар, теснивших их к берегу реки. Что происходило на правом фланге, Андрей не совсем понял. Там всюду звенело железо, раздавались яростные вопли и визги, но новгородцы еще держались.

Прыгая с телеги, Андрей на лету махнул саблей под венец мисюрской шапки[9 - Мисюрка - железная шапка с бармицей. Мисюрки были двух видов: прилбицы и наплешники.], разрубая кольчужную бармицу, защищавшую шею и плечи воина, и голова татарского лучника вместе с кистью правой руки упали на землю. Из обрубка шеи фонтаном хлынула кровь, заливая ярко-желтый халат степняка.

Выброс адреналина сыграл с Андреем злую шутку. Впервые в жизни здесь и сейчас он почувствовал азарт настоящей схватки, реальная опасность быть зарубленным в сече приятно щекотала нервы и доставляла райское наслаждение. Это не норма. Это патология, но нормальных тут нет, не среди русских, не среди татар. Нормальные дома сидят, на диване, пиво пьют и футбол по телеку смотрят. Такие вот дела.

Ноги гулко соприкоснулись с землей, по инерции Андрей сделал еще шаг, другой, и тяжесть доспеха увлекла его вниз, он потерял равновесие и упал, перекатом уходя от удара сабли тут же наскочившего на него татарина. Извернувшись, саблей полоснул по ноге. Удар оказался недостаточно сильным, металлическая пластина поножей остановила клинок князя.

Мозг Андрея фиксировал малейшие оттенки различных запахов, витавших над берегом, но самыми сильными и устойчивыми оказались запахи человеческого говна, пота и пролитой крови.

Снова звериным чутьём почуяв опасность, Андрей бросился вперед, падая на колени, под ноги широко замахнувшегося саблей татарина и со всей силы снизу вверх умудрился всадить выхваченный нож в подзор короткой байданы[10 - Байдана – разновидность кольчатого доспеха в виде рубахи длиной до колен, с рукавами до локтей и ниже. От собственно кольчуги она отличается лишь размерами и формой своих колец. Основное предназначение байданы – защита от скользящих ударов сабли.] татарина. Пронзительный визг степняка плавно перешел в жалобный вой, татарин выпустил из руки саблю и схватился за рану, откуда сильными толчками хлестала алая кровь.

Андрей поднялся на ноги, рукавом кафтана обтер теплую и соленую на вкус чужую кровь, залившую его лицо, и резко пнул согнувшегося в коленях татарина. Перескочил через упавшего, рубанул по спине подвернувшегося под руку степняка в фиалковом халате. Железные пластины, часто нашитые на внешней стороне халата, брызнули во все стороны. Степняк широко взмахнул руками и упал.

Тяжело дыша, Андрей осмотрелся. Из пятерки ушкуйников в живых остались трое новгородцев в длинных, до колен, кольчугах, и сейчас они добивали последнего татарина в ярко-желтой кожаной кирасе, украшенной причудливым орнаментом в виде виноградной лозы. Мужики, ободренные помощью Андрея, яростно размахивали топорами, и один из ударов достал-таки татарина в ногу. Упав на колено, тот отчаянно подставил саблю под удар топора. Бердыш новгородца со страшной силой обрушился на клинок, ломая саблю и проламывая голову степняка в остроконечном шеломе. Ушкуйники не раздумывая бросились к противоположному концу табора, где все еще кипел бой. Там Кузьма, помогая себе отборным матом, орудовал огромной двуручной секирой, отбиваясь сразу от двух степняков, пытавшихся зарубить страшного уруса.

Андрей перешагнул через тела мертвых татар со спущенными до колен шароварами, заправленными в ичиги. Братья насилия над односельчанками не простили, побили насильников стрелами. Одна из молодых, привязанная за руки к колесу телеги, испуганно съежилась, пытаясь, насколько можно, спрятаться под телегой, вторая молодуха истекала кровью, кто-то из татар со злости полоснул саблей по ее белоснежным девичьим ягодицам.

Справа раздался характерный предсмертный вскрик, это кто-то из стрельцов снял татарского стрелка, взобравшегося на телегу. Бой был почти закончен, набежавшие на подмогу ушкуйники оглушили оставшихся татар и принялись

вязать полоняников.

– Вот бесермены проклятые, – Лука Фомич, прихрамывая на раненую ногу, неспешно подошел к Андрею. Левая штанина зеленых портов вся в крови ниже колена, нога ватажника перетянута обрезком веревки. – Пятерых посекали до смерти. Еще дюжина раненых: Микитка не жилец, остальные, как бог даст... Рябому длань отсекали начисто.

Лука закончил лаконичный доклад и кряхтя уселся на стеганый халат, валявшийся у костра. Достал льняную тряпицу, стал разрезать ножом штанину, обнажая резаную рану. Андрей стал помогать Луке с перевязкой.

– Полоняников пока не выпускай на волю. Так с десятков мужиков освободи, пусть уберут тут... – Андрей окинул взором татарский лагерь.

Повсюду валялись перевернутые котлы, туески, втоптаные в землю татарские халаты, какие-то мешки и узлы с тряпками, оружие и нехитрый крестьянский скарб, вывалившийся из перевернутой телеги.

– Наших раненых к костру снесите. Да, и холстину постелите, прежде чем класть раненых на землю. Еще кипятка нужен, – Андрей, преодолевая боль в груди, поднялся с земли.

– Ты никак ранен, княже? Сымай бронь – посмотрим, что там у тебя...

Выглядел Лука донельзя встревоженным, и, забыв о своих ранах, бойко вскочил, тихо охнув от боли, но твердым шагом решительно направился к Андрею.

– Пустяки, пройдет. Стрелу поймал, но бронь спасла, – беззаботно ответил князь, махнув рукой. – Давай живее несите раненых сюда. Да, вот что еще, как там с нашим уговором?

Лука под пристальным взглядом Андрея поёжился. Засопел и выпалил:

– Ты прости, князь. Только четверых взяли. Сам понимаешь, дело такое... не уследишь, да и не ожидал я, что татары смогут отпор дать. Погоди, я сказал не добивать раненых, среди них с пару десятков точно наберется, кто выживет.

– Пленных связать и стеречь крепко, – отдал распоряжение Андрей. – Пусть Кузьма поспрашивает, нет ли в округе еще татар. А ну как еще шастают? Дозорных не забудь выставить.

– Так уже. Мальцов твоих и поставил в дозор, опосля сменим их, – Лука Фомич уже успел отдать необходимые распоряжения.

Андрей направился было за лошадью, но кто-то из ушкуйников уже успел привести лошадей и привязать их к телегам. Андрей достал из сумки аптечку, приступил к осмотру раненых, своих и чужих, не делая разницы.

Татары успели-таки натянуть тетивы на луки, и многие ватажники ранены стрелами, но были также узкие и глубокие колотые раны от удара ножом, резаные раны и несколько сломанных рук. Пока Андрей занимался выниманием наконечников стрел из тел и обработкой ран, пока накладывал швы и складывал сломанные руки, Кузьма добела накалил широкий топор на огне и прижег культю Рябому, жаром закупоривая сосуды. Новгородец от дикой боли пришел в сознание, вопя во все горло и пытаясь вырваться. Ватажник тюкнул Рябого по темечку, раненый сразу же обмяк, теряя сознание, и повис на руках державших его товарищей. Бережно уложив бесчувственного ватажника на холстину, ушкуйники оставили его на попечение Кузьмы, а сами отправились собирать трофейные брони и оружие. Кузьма наложил на обрубок руки целебную мазь, бережно замотал культю в чистую тряпицу.

Потом он достал засапожник, протянул нож Андрею, указывая на лежащего на холстине Микитку. Ушкуйник получил немало ран в сече, но самая страшная – рана на животе. Татарская сабля вспорола кольца кольчужки, рассекая живот новгородца. Сквозь прореху в кольчуге видны кишки вперемешку с осколками железного плетения кольчуги. Левая нога рассечена до кости чуть выше колена. Нет. Парень не жилец. Микитка, плотно сбитый крепыш с окладистой русой бородой и светло-соломенными волосами, тяжело дышал, ожидая смерти.

– Добей, – тихо сказал Кузьма.

– Я? – сказать, что Андрей удивился, значит, ничего не сказать.

На его лице отразилась вся гамма чувств.

– А то кто же? – Кузьма настойчиво протягивал ножик Андрею. – Отпусти с богом, видишь, токмо мучается Микитка.

– Но почему я? – слабо запротестовал Андрей, нехотя принимая нож из рук Кузьмы.

– Мы теперь тебе служим, значит, отпускать своего человека – ты должен. Детишкам помощь оказать еще нужно будет, – Кузьма выложил нехитрую истину.

– Ты, Микитушка не сомневайся, сирот не оставим, ты знаешь, – пообещал Кузьма умирающему.

Микитка в ответ слабо кивнул головой попытавшись улыбнуться. Парень сам откинул голову назад, глядя на небо широко открытыми глазами, подставляя горло для удара. Андрей встал на колени перед раненым, резким движением перерезал горло умирающему. Твердой рукой закрыл глаза убитому. С трудом поднялся на ноги, с ужасом глядя на мертвеца.

Еще дважды Андрей повторял процедуру отпуска раненых. И каждый раз недрогнувшей рукой. Но что у него творилось в душе! Господи! Власть над людьми требовала жертв, но Андрей и помыслить не мог, каких именно жертв! Господи! Зачем ему нужна такая власть?

Пока Андрей врачевал, новгородцы совместно с отполоненными мужиками обустроивали лагерь. Убитые лежали чуть в сторонке. Немолодой уже, кучерявый новгородец с длинной растрепанной бородой со смешным именем Анфал шил мешки из холстины. Часть покойников уже обряжена в эти самые мешки. Невдалеке крестьяне рыли общую могилу для убитых ушкуйников. Кузьма было сунулся врачевать остальных раненых, но был остановлен Андреем. Оказалось, что Кузьма – лекарь ватажки и лишь по совместительству пыточных дел мастер. Вот так-то, не только калечить, но и излечить хворых и раненых мог новгородец. Закончив с ранеными, Андрей сложил инструмент в чемоданчик и убрал его в мешок.

– Знатный у тебя, княже, инструмент, – Кузьма внимательно наблюдал за действиями Андрея, когда тот оказывал врачебную помощь.

Новгородец сидел задумавшись, перебирая в руках обломок татарской стрелы, вынутый из тела раненого ушкуйника.

– Знатный, не знатный, а жить будут. Если бог даст. Тут главное покой, а где тут покой на телегах... Растрясем ведь...

– Да ничё. Татарская сабля, ежели уж сечет, то насмерть, а если сразу не умер, то дай бог, выкарабкаются, – в голосе Кузьмы было столько убежденности в благополучном исходе, и эта его уверенность неожиданно передалась Андрею.

– Ну, раз так, то эти порезы до свадьбы заживут.

– Хех... Чудно говоришь. Ты никак жениться удумал? – спросил Кузьма.

– Сам ты жених, Кузьма, – Андрей в сердцах плюнул. – Поговорка такая есть в наших землях. Это означает, что все раны заживут до их свадьбы.

Усталость давила на плечи, потому Андрей, закончив с ранеными, проверил стражу и завалился спать, завернувшись в старую медвежью шкуру, валявшуюся у костра.

Разбудил его громкий шум. Солнце давно уже перевалило за полдень. Андрей заставил себя встать, разминая затекшие конечности, потом спустился к реке и умылся. Холодная водичка принесла облегчение. Андрей сразу же почувствовал себя намного лучше. Со стороны лагеря продолжали доноситься звонкие голоса, далеко разносившиеся над рекой.

«Они там с ума посходили все? – с раздражением подумал он. – Нас издалека обнаружить можно, накличут татарву как пить дать».

Перед взором Андрея предстала живописная картинка. Лука, выполняя волю хозяина, не освободил полон. Вернее, освободил частично. Мужиков с десятков и пару-тройку баб для хозяйственных нужд. Остальные сидели все еще привязанные к своим телегам. Вот бабы пронзительным визгом и выражали свой протест. Громче всех выступала необъятная тридцатилетняя бабенка под два метра ростом. Марфа звонким голосом обещала согнуть всех ватажников и лично их хозяина в бараний рог, если сейчас же не отпустят всех сельчан. Рядом

с ней, едва доставая расшумевшейся бабе до сисек, стоял ее мужик – сельский староста. Он не отставал от своей жены, вопя что-то про жалобу князю.

– А ну тихо всем! – Андрей почувствовал злость, прежде всего на себя. Он шумно перевел дух и пообещал: – Сейчас вас освободят. До села вашего мы вас проводим. Зерно, коней, скотину вашу и всякий скарб мы вам возвращаем. Но часть телег мы заберём, как и часть продуктов. Нам раненых везти нужно, путь нам еще долгий предстоит. Взамен дадим вам, – тут Андрей замешкался, припоминая услышанное от Луки слово, – хзу[11 - Хза – кожа.] всю, вам сгодится в хозяйстве, а нет, так продадите на торгу.

Не мешкая ушкуйники бросились перерезать веревки. Крестьяне шумно загалдели, выражая благодарность. Андрей поправил кашель на поясе, в котором весело позвякивали десяток серебряных монет с арабскими надписями, найденных у татар. Сел в седло маленькой степной лошади, пустив ее шагом.

Ватажники провожали Андрея хмурыми взглядами. Еще сразу после боя Андрей запретил употреблять хмельное, видя, что самые нетерпеливые уже откуда-то вытащили бурдюк и попытались надраться в стельку. Тогда Андрей от души строго-настрого запретил употреблять хмельное, напомнив ушкуйникам, что они теперь не вольная ватажка, а слуги вольные на службе князя. Чем их сильно удивил. Они-то другое думали. Перспектива сухого закона вызвала нешуточный ропот среди ватажников, но в дело были пущены железные аргументы в виде пудовых кулаков Кузьмы и Луки Фомича. Потирая намятые бока, ратники признали правомочность требований князя и сочли, что полученных аргументов в доказательство правоты господина вполне достаточно, и быстренько занялись насущными делами под руководством Луки.

Андрей улыбнулся, вспоминая этот случай. «Вольница Новгородская, – думал Андрей. – Над дисциплиной работать и работать еще. Ни тебе почтения должного, ни почитания. Стоп. Да я уже думать начал как заправский боярин! Вот что значит искушение властью! Только вот власть здесь непросто получить, вернее, получить-то совсем просто, а вот удержать ее – тут потрудиться придется, и немало».

Андрей интуитивно понял секрет обладания властью. Власть зиждилась на том, насколько хорошо ты заботаешься о своих людях. Если будешь думать только о себе и о своей выгоде, не успеешь оглянуться, как останешься один, то есть и без власти.

Вернулся Андрей в лагерь поздно. Поужинал жареной кониной. Ухмыльнулся про себя, вот еще один миф развенчан, на Руси конину ели, только за ушами трещало. В схватке с татарами потеряли много лошадей, и потому мяса было вдоволь. Ржаной хлеб тоже нашелся. Местный хлеб представлял собой огромную ковригу. На вкус Андрея, ржаной хлеб малопривычен и к тому же черствый, но голод не тетка. Он уплетал черствый хлеб за обе щеки, отрезая ножом тонкие куски вареного мяса и кладя их на отрезанный хлебный ломоть, посыпал смесью соли с перцем и запивал все это кипятком.

Рядом с Андреем сидели ратники вперемешку с крестьянскими бабенками. Среди освобожденных из полона много вдовушек, и теперь они обхаживали заматерелых ушкуйников, отрезая и накладывая им на хлеб лучшие куски мяса. По быстрым взглядам, которые женщины бросали на своих спасителей, можно было предположить, что женская благодарность этим не ограничится.

Первым уединились Митяй с симпатичной обладательницей шикарной русой косы длиною до щиколоток и толщиной в руку, на вид молодежи лет двадцать, но одета она во все темное: черный платок на голове и темный сарафан. Андрей уже слышал ее историю: баба два года как вдовая, муж ее погиб во время прошлого набега татар.

Тогда, в теплый весенний день, когда неожиданно из-за леса появились татарские всадники, крестьянская семья как раз остановилась чуток передохнуть от вспашки земли. Муж быстро обнял жену, сунул малолетнее дите в руки молодой супружницы, в последний раз посмотрел на родных ему людей, перекрестил, толкнул жену в лес, спокойным голосом наказав бежать к загодя приготовленному схрону. Сам же, троекратно перекрестившись, взял в руки топор и, мысленно вознося молитву Богу, твердым шагом пошел навстречу несущимся галопом татарам.

Ловко уклонившись от брошенных арканов, он смело принял бой. Даже смог спешить одного степняка, подрубив татарской лошади передние ноги. Но тут веревочная петля аркана упала на его могучие плечи, сильный толчок опрокинул на сырую землю. Хозяин покалеченной лошади в отместку казнил мужика лютой смертью, рязанца разорвали лошадьми.

Бог внял молитве рязанского мужика, когда степняки бросились в лес искать бабу с дитем, то, несмотря на долгие поиски, так и не смогли их найти. Она

успела добежать до схрона, спрятавшись там, от страха просидев в земляной яме почти двое суток.

После плотного ужина Лука ушел проверять сторожевые посты. К дозору привлекли местных мужиков – воев мало, и Лука всерьез опасался, что непривычные к ратной службе мужики, которых по необходимости привлекли к дозору, могут задремать. Но все обошлось, крестьяне справно несли службу, охраняя покой табора.

Ближе к ночи на горизонте показалась вереница телег. Андрей с Лукой вышли навстречу неспешно двигающемуся обозу.

На передней телеге сидел безразличный к окружающему миру отец братьев Демьян в окружении женской половины. Рядом с телегой бодро вышагивал коренастый мужичок-боровичок в добротной суконной однорядке[12 - Однорядка – верхняя широкая, долгополая одежда, без воротника, с длинными рукавами.], застегнутой вместо пуговиц и петлиц на шелковые завязки, с привешенными к ним кистями с ворворками[13 - Ворворка – шарик на шнурке или тесьме над чашечкой, в которой скреплены пряди кисти.]. На голове мужичка довольно смешной высокий шерстяной колпак. Широкие суконные штаны заправлены в настоящие кожаные сапоги с тиснением. За мужиком, еле поспевая за телегой, семенил русоволосый пацан лет пятнадцати в стареньком темно-зеленом кафтане до колен. Точнее возраст парня Андрей определить не мог. Он с братьями-то лопухнулся. Думал, Семену лет пятнадцать от силы, а в действительности оказалось все восемнадцать.

Из всех виденных за последние дни мужиков лишь Кузьма с Лукой да Афоня-стрелец выделялись богатырским телосложением. Остальные все как один – мелкие, невысокого роста и сухощавые все, что ли.

Отец братьев, Демьян, как понял Андрей из пояснений Федьки, после службы у князя поселился в деревне у сестры, а вот и она самая – Феклой зовут, а этот мужичок в сапогах, на которые уставился Андрей, значит, ейный муж. Спиридон – мужик справный. А девицы в телеге – это Федькины двоюродные сестры: Прасковья и Катерина, они взрослые и уже на выданье. А тот пацан, что за телегой бежал, – ихний брат. В заключение Федька выдал главное: Спиридон, наслушавшись об удаче боярина Андрея и о поступлении на службу к боярину братичадов жены, решил податься со всем семейством к боярину. В надежде, что тот его примет вместе с семейством в слуги вольные. Да и с уходом троих

взрослых племянников не поднять было Спиридону пашню, рабочих рук осталось всего ничего. Отец братьев, после смерти любимой жены и дочери, все еще не в себе, и неизвестно, когда оклемается.

В заключение Федькиных слов Спиридон степенно поклонился до самой земли и попросил принять его вместе с семейством хоть в челядники для начала.

«Эк меня угораздило-то, – Андрей откровенно растерялся от такого поворота событий. – Толком еще не обосновался, а уже людишками обрастаю. Дружина у меня уже есть, оружия полные возы, коней табун целый, теперь еще челядники для полного счастья. С другой стороны, не вечно же всухомятку жрать, да и постирать одежонку пора уже, да мало ли что еще потребуется сделать. Решено – беру».

– Ты не думай, боярин, мы люди вольные, – поспешил заверить господина Спиридон, видя замешательство Андрея. – За нами долга нет перед князем. Оброк выплачен весь сполна, без остатка. Вольны мы уйти с земли княжеской, – мужик в надежде смотрел на боярина, ожидая ответа.

– Ну, раз так, то согласен, – объявил свое решение Андрей. – Устраивайтесь на ночлег. Утром с восходом выступаем.

– Благодарствую, боярин, – Спиридон опять низко поклонился, до самой земли.

– Боярин! Татарчонка твоего куда девать? – весело скалясь, спросил Федька, выталкивая с телеги связанного по рукам и ногам татарина.

– К остальным пленным отведи да покорми его. Заодно и про остальных не забудь, – ответил Андрей, вспомнив о пленных татарах, с ними нужно было что-то делать.

Сам не зная зачем, он отдал приказ захватить нескольких татар в плен. Понимая, что это враги и что они убивали, грабили, насильничали на родной земле, Андрей не мог просто так, за здорово живешь отдать приказ убить пленных. Так и не найдя ответа на этот вопрос, Андрей плюнул на копание в себе и стал расспрашивать Федьку, не говорил ли он с татарчонком по дороге.

– А как ни то... Он все больше молчал сперва, но потом говорить начал, – Федька не заставил себя ждать с ответом и весело продолжил: – Он сын сотника по-нашему. Там замятня у них была, и на их кочевье напали, людишек побили, бек ихний погиб, а они сумели уйти, потеряв все имущество, женщин, скот. Вот и набежали пограбить да жен себе взять удумали из наших баб. Да не вышло у них. Почитай от всего кочевья только эти в живых и остались.

– Вот оно как, – покачал головой князь. – Значит, от безысходности к нам пришли. А куда откочевать собирались? – полюбопытствовал Андрей.

Не то чтобы ему было интересно, но лишней информация не бывает.

– Да кто их знает, может, сами еще не знали, куда путь держать станут, – Федька махнул рукой и снова принялся помогать дядьке устраиваться на ночлег.

– Покормить пленных не забудь, – еще раз напомнил парню о полоне Андрей.

Утром, наскоро позавтракав, тронулись в путь. Лука выставил охранение, новгородец опасался татар, хоть и побили они бесермен, но мало ли бродит по Русской земле степных разбойников? Со слов пленных, после вдумчивой беседы с ними Кузьмы, узнали, что татарский бек прогневал оглана[14 - Оглан (тюрк.) – букв. «сын», титул членов рода Чингисхана, не занимавших ханского престола; встречается в текстах конца XIV и XV вв.; по-персидски переводится «шахзаде» – царевич.] и был бит им. Повезло вырваться немногим, но все же лучшая сотня татар смогла уйти от погони, побросав пожитки, скот, женщин. Все это добро досталось победителям.

От голодухи и пошли они в набег на Рязанские земли, да какой это набег, так пограбили малость, далеко не заходили. Русский князь такие малочисленные шайки грабителей отлавливал и уничтожал, и все три великих хана Орды смотрели на это сквозь пальцы. Такие мелкие набеги случались ежегодно, летом и зимой. Дело привычное.

Телеги бойко скакали на прошлогодних травяных кочках. Андрей несколько раз подъезжал справиться о здоровье раненых, опасаясь, что по дороге их сильно растрясет. Но пока – тьфу, тьфу – все обходилось. Лишь один раненый впал в забытье и метался в горячке.

Ехали не торопясь, осторожно. На следующий день дозорные заметили ушкуй, одиноко стоявший на мелководье разлившейся реки.

Среди ватажников раздался шум. Люди громко кричали и бурно выражали свою радость. Лука коротко скомандовал, двое мужиков рванули вперед, пуская коней в холодную воду, ловко взобрались на борт и сноровисто установили весла в уключины, сели на весла, и корабль отчалил от берега.

Глаза Луки светились радостью.

– Ушкой-то наш! Не пожгли его бесермены. Вестимо, бросили они его, вот его течением и унесло, хорошо хоть недалече! – обрадовался Лука Фомич, радостно потирая руки.

– Тогда приведи его в порядок, – принял решение Андрей. – Дальше по реке пойдем. Раненых растрясло в телегах. Да и по воде быстрее доберемся до города. Скоро уже деревня будет, как она там зовется?

– Васькино. То сельцо будет, а не деревенька, – уточнил ехавший рядом Кузьма.

– А есть разница? – спросил Андрей.

– Так церквушка же у них есть, значит, сельцо, – вопрос господина опять удивил мужиков, не зная простые вещи – это из ряда вон.

Постепенно мужики привыкали к вопросам своего нового господина, но нет-нет да и удивлялись незнанию князя элементарных вещей.

Глава 4

Васькино

По прибытии в селение их радостно встретили жители, которые успели убежать в лес от татар. Увидав возвращающихся сельчан, они гурьбой высыпали из леса

и бойко бежали навстречу уже оплаканным родным и близким. Слезы радости блестели на глазах матерей, обнимающих своих детей. Мужики украдкой смахивали набежавшую слезу, обнимая своих жен. На удивление, в этом селе татары никого не убили.

Сельский староста, которого все звали просто – Тит, выделил Андрею пустующий отдельный дом. Фекла с дочерьми выгнала Андрея вместе с мужиками во двор и, вооружившись вениками, тряпками, скребками, объявила войну запустению. Через два часа изба сияла чистотой, полы набело выскоблены, печь затоплена по-черному, дымом продезинфицировали избу от присутствия всякой кусачей и кровососущей живности. Остальных ватажников расположили по соседству, в таких же неказистых избенках.

Андрей первым делом занялся размещением раненых. Состояние многих из них вызывало опасение, температура поднялась почти у половины. Несколько человек находились без сознания. Осмотрев раны и сделав перевязки, Андрей не отказался от помощи хозяйки избенки, старой бабки Аграфены. Та, пошептавшись с Кузьмой, заставила ватажника снять пучки трав, развешенных под крышей избы, аккуратно разложила высушенные травки на столе. Отобрав нужные, выскочила за порог, а там уже Кузьма развел огонь в очаге и грел воду в железном котелке.

Оставив раненых на попечении старой Аграфены и Кузьмы, превратившегося в настоящую няньку для пораненных, чему Андрей был несказанно удивлен, князь отправился на поиски Луки Фомича.

Новгородца он нашел на реке, придирчиво осматривающего кораблик и громко высказывающего, что он думает о татарах и раззявах ватажниках. Эти самые раззявы шустро бегали, наводя порядок на корабле. Приметив подходившего Андрея, Лука неторопливо сошел с кораблика, встречая своего господина на берегу.

– Трофеи сегодня смотреть будем или с утра? – Лука, как говорится, взял быка за рога.

Телеги с поклажей стояли во дворе дома, где расположился на постой Андрей. Ему и самому не терпелось посмотреть, что конкретно им досталось в качестве трофеев, но он переборол себя, решив соблюсти лицо.

– Утром, Лука Фомич, – Андрей с любопытством разглядывал ушкуй. Кораблик не впечатлял размерами. «И на этих кораблях они умудряются не только плавать по рекам, но и выходят в море», – думал Андрей, поражаясь отваге мореходов.

Ушкой по своей конструкции напоминал струги донских казаков, однажды виденные Андреем на картинках. Видимо, струг и был прототипом ушкуя, или наоборот? Да какая разница? Главное, у них есть корабль!

Фантазия разыгралась не на шутку. Мысленно Андрей представил себя стоящим на палубе ушкуя, идущего на abordаж неприятельской ладьи. И то, что ладья купеческая, несколько его не смущало, ведь не хлеб же выращивать он сюда пришел. Жажда приключений лежала в основе его решения уйти в прошлое, и, что немаловажно, ему до чертиков надоели либеральные ценности сгнившего на корню капитализма. Надоела избирательность законов, надоели двойные нормы морали, когда одним позволялось все, а другие должны были гнуть спину, чтобы чиновник-ворюга мог позволить себе еще один дом на Канарах.

Андрей вздрогнул от нахлынувших воспоминаний из прошлой жизни. Тряхнул головой и продолжил разглядывать ушкуй. В длину кораблик имел около пятнадцати метров, в ширину почти три метра. Палубы только на носу и на корме, оснащен ушкой косым парусом, исчезновение которого как раз и выводило Луку из себя. Отсутствовала также часть весел. Но это дело легко поправить, Лука отрядил парочку плотников рубить древесину для изготовления недостающих вёсел.

Удовлетворившись осмотром корабля, Андрей решил отправиться на боковую. Тело от долгой езды на лошади с непривычки ныло. Что ни говори, а надо иметь привычку к верховой езде, а последние пять лет Андрей коней видел только на экране телевизора.

Андрей отказался от горячей еды, приготовленной заботливой Феклой, сразу же завалился на широкую лавку спать. Клопы ночью не кусали, сны ему не снились, а если и снились, то, проснувшись, он не смог их вспомнить.

На столе стоял нехитрый завтрак, Андрей вышел во двор, направившись к колодцу, замечая, что народу во дворе никого нет. Оглядываясь по сторонам, Андрей искал туалет. Ничего похожего на него он так и не нашел, выход из положения нашелся быстро, недалеко от Андрея зиял вход в покосившийся

сарай, вот туда Андрей и направился. Судя по запаху, он не первый заглянул в сарай с определенной целью. Справив нужду, побрел к колодцу, набрал в деревянное ведро колодезной водички, тщательно умылся и вернулся в дом завтракать. На завтрак Фекла приготовила вчерашнюю кашу с мясом, испекла огромный пирог, опять же с мясом, и раздобыла молока у деревенских.

После плотного завтрака Андрей отправился осматривать деревеньку.

Со стороны реки она была не особо заметна, но располагались дома на приличном расстоянии от реки, на высоком пригорке, хаотично вытянувшись вдоль берега реки. Станным показалась то, что Андрей не нашел ничего похожего на русскую баню. Все избы похожи друг на друга. Несколько домов имели явно нежилой вид – пустовали. Еще с вечера Андрей узнал, что это результат набега татар двухлетней давности. Население так и не восстановилось в деревне после татарского набега. Желающих поселиться рядом с татарами не находилось, какими бы льготами рязанский князь ни приманивал крестьян. Единственная улица пустовала, ни кур, ни гусей, ни прочей живности не наблюдалось.

Вернувшись с прогулки, Андрей застал Луку за разбором трофеев. Братья помогали новгородцу вытаскивать барахло с телег и раскладывали все это богатство, сортируя по лишь им одним понятным признакам. Андрей уселся на лавку и стал наблюдать за ватажниками.

Овчинные полушубки и меховые шапки лежали на особицу, тут же прямо на глазах росла куча белья, которое парни вытаскивали из множества кожаных сумок.

Судя по всему, это были запасные комплекты одежды. Одежду, снятую с убитых, складывали в отдельную кучу. В мешках еще обнаружили маленькие мешочки с шилом и иглами. В некоторых сумах парни находили татарские серебряные и медные монеты, украшения, которые аккуратно складывали на расстеленную холстину.

Большущая гора маленьких котелков возвышалась у покосившегося забора, рядом лежали сваленные в кучу фляжки.

Лука с братьями придирчиво рассматривали ножи, сортируя их на две части. Андрей не вмешивался, с интересом наблюдая за спорами, которые нет-нет да и возникали между ними по поводу того или иного ножа. То же самое повторилось, когда дошла очередь до кривых сабель.

– Вот что, казаки-разбойники, – Андрей поднялся с лавки, прошелся среди разложенного во дворе барахла, взял в руки кривую саблю. – Выбирайте себе, что потребно. Лука Фомич, ты тоже отбери нужное для рати про запас, остальное продадим.

Действительно, трофеи хорошие, хотя большинство защитных доспехов представлены комплектами легкого лучника – войлочные, тканевые и даже кожаные распашные халаты с осевым разрезом, с рукавами до середины предплечья. Они чуточку отличались друг от друга, но не намного: у одних были рукава до середины предплечья, у других вместо рукавов наплечники. Интересно, что у части халатов железными пластинами бронировалась лишь верхняя часть халата, в то время как нижняя, начиная от пояса, оставалась свободной от пластин. И пластины крепились большей частью не снаружи, а изнутри, и потому со стороны были видны лишь ряды металлических заклепок. Почти вся тканевая основа таких доспехов ярко-красного, желтого и фиалкового цветов.

Такой тип защиты Лука определил термином «куяк». На самом деле Лука Фомич назвал бронь монгольским термином – первая буква произносилась как русская «ха», и Андрей невольно засмеялся, вспомнив производные от этого слова. Первоначальный смысл выражения давно утрачен потомками, а термин продолжал бытовать на просторах некогда большой и могучей страны.

Среди трофейных броней попадались желто-коричневые кожаные доспехи, покрытые специальным лаком. Все они украшены причудливым орнаментом в виде вьющейся виноградной лозы. Сам доспех представлял собой кирасу с разрезом на боку.

Главное богатство, доставшееся им от татар, – пластинчатые доспехи, которые тут называли пансырями. Нашлась также парочка броней смешанных: чешуйчатые на спине и пластинчатые на груди. У одного пансыря вместо пластин на груди были кольца. Но оба доспеха усилены на груди и спине крупными стальными досками, крепившимися к доспеху кожаными завязками, и, видимо, надевались они отдельно. Рукава и подол отделаны длинными

языкообразными пластинами.

– Иж ты, какие гуси нам попались, уланы не иначе, – Лука не мог скрыть своей радости. – Зерцала-то как блестят!

Братья, словно дети новой игрушке, радовались коротким байданам. От обычной кольчуги байдана отличалась лишь размерами и формой колец, они были крупные, плоско скованные. При детальном осмотре Андрей понял, что крепились кольца на шип, что давало сочленению большую прочность. Весу в таком доспехе немного – килограммов шесть, может чуть больше.

– Лука Фомич, так она от стрелы не спасет. Кольца-то крупные, – Андрей положил доспех на место и уселся на телегу в ожидании дальнейшего представления.

– Так байдана от сабли защищает, а от стрелы убережешься – поддевают кольчугу вот такую, – Лука Фомич передал Андрею кольчужную рубашку, сплетенную из мелких колец.

– Я думал, татары плохо вооружены, – задумчиво произнес Андрей, оглядывая разложенное на холстинах вооружение. – А тут целый арсенал...

– Да, нам повезло, княже. На улан нарвались, могло и иначе все кончиться. С чего ты взял, что татары плохо вооружены? – включился в разговор Сенька. – Брони у них легкие до пояса, ноги защищены батурлыками[15 - Батурлык, или поножи – доспех, состоящий из трех выгнутых железных или стальных пластин, закрывавших ногу всадника от колена до подъема и соединявшихся позади пряжками с запряжниками и наконечниками.]. Кони обычно тоже защиту имеют, вон они лежат в телеге, глянь, коли охота. И конница у них кованая есть, сам видишь, сколько железа на них было вздето. А про луки тугие и говорить нечего.

– Я думал, степняки только стрелами бьют противника, – из прошлой жизни Андрей помнил, что татары – легкие всадники, вооруженные только луком и кривой саблей.

– Так и есть. Они лучники. Хорошие лучники. У каждого по два саадака, а то и три бывает. Ты посмотри, сколько хабара мы взяли... И у каждого луки сложные или сложносоставные. Да вот гляди сам, – Сенька вытащил из телеги саадак –

комплект стрелка из лука.

– Отец сказывал, что раньше у нас были луки, доставшиеся нам от воинственных хунну, луки были разными, но все они происходили от этого самого лука хунну. И что самое главное, такие луки были большими, а этот, ты глянь...

Саадак представлял собой набор лучника и включал в себя собственно сам лук, колчан, тетиву и саадачный нож. Луки были двух типов. Длина их отличалась, но не намного. Даже похожие луки одного типа имели разную длину, от восьмидесяти до ста десяти сантиметров. Второй тип в длину имел от ста двадцати сантиметров до полутора метров. Андрей не поленился и расчехлил все тохтуи, в которых хранились комплекты, по росту складывая татарские луки.

Наверное, правильней их было называть монгольскими, но это не суть важно. Все они имели основу, состоящую из пяти кусков, склеенных из двух-трех слоев дерева, слоя сухожилий, наклеенных с наружной стороны плечей, а также двух тонких роговых полос, подклеенных к плечам с внутренней стороны, изогнутой костяной пластины с расширяющимися, как лопата, концами, которую приклеивали к внутренней стороне рукояти и примыкающим участкам плеч. У коротких луков рога имели по одной костяной наклейке с углублениями для тетивы. У более длинных рога обклеены уже двумя парами костяных пластин. Плечи у тех и других обтянуты берестой или тонкой кожей и покрыты лаком.

Понятно, что костяные фронтальные накладки не лишали участок кибяти упругости, а лишь добавляли к рефлекторному усилию деревянной основы дополнительное усилие расположенной по центру лука костяной пластины.

Андрей, внимательно слушая пояснения мужиков касательно вооружения, перебирал в руках тетиву, пристально рассматривая её, потом взял другую, третью. Все они были комбинированными – сплетены из шелковых нитей. Нити все сплошь разноцветные: синие, желтые, белые и розовые цвета. На концах стержня шелковой тетивы сделаны маленькие ушки – петли. В эти самые ушки завязывались узлы кожаных петель тетивы, которые надевались на концы лука. Такие петли значительно облегчали процесс надевания и снятия тетивы с лука.

В общем, все луки как две капли воды походили на бабкин лук, из которого Андрею частенько приходилось стрелять.

Сенька продолжал посвящать Андрея в тонкости пользования луком. Андрей не возражал, стараясь не показывать лишней раз свои знания. Авось, что интересное парень расскажет.

– Тетиву можно натягивать разными способами. Я знаю все! – гордо заявил Семен.

– Врешь, небось, – Лука аж крикнул от изумления. Ватажники дружно усмехались в бороды, но молчали, не вмешивались в разговор.

– Не скажи, дядька Лука, – Сенька не на шутку обиделся. – Вот, к примеру, переправляешься ты через реку... А тут враг налетел, стрелы кидает. Есть способ и в таких условиях натянуть тетиву и не замочить лук. Или вот напали на стан неожиданно. Пока ты будешь натягивать тетиву, ты весь на виду, вмиг посекут тебя или стрелой побьют. А можно ведь лежа натянуть. Ты вот видел, чтобы татары тетиву натягивали, когда мы напали на них? То-то же. Знамо, лежа они натянули. – Сеньку так и распирало от гордости, от возможности продемонстрировать свои знания более опытным бойцам.

– Ишь ты, лежа, – Лука откровенно подначивал парня, ехидно улыбаясь.

– Ей-богу не вру.

И Сенька тут же продемонстрировал свое умение, бухнувшись на сырую землю, натянул тетиву на лук из положения лежа. Потом неспешно встал, гордо уставившись на ватажника в ожидании, что он скажет на такое. Мужики разразились одобрительными возгласами, выражая свое восхищение умению парня.

– А вот ранят тебя в руку, тогда как? Натянуть сможешь? – в разговор вступил Афоня.

Он давно уже прислушивался к ходу беседы, изредка поглаживая коротко стриженную бороду. Ратники, примерявшие доспехи, заинтересованно уставились на Сеньку, а ну что скажет пацан в ответ?

– В руку? – неуверенно протянул Сенька, растерявшись от такой постановки вопроса, и повернулся к братьям, словно ища у них помощи.

Но те скромно молчали, заинтересованно разглядывая остроносые носки своих ичиг.

– В руку, в руку, – повторил Афанасий, усмехаясь, и тут же продемонстрировал свое умение, натянув тетиву на первый попавшийся лук, используя всего одну руку, имитируя ранение в другую, старательно отведя ее в сторону. – Сможешь так?

Семен достал из налучья лук, вынул из кармашка тетиву и неловко попытался повторить действия Афони, но неудачно. Рядом братья, пытая от напряжения, старательно натягивали свои луки. От напряжения капельки пота выступили на лбу, но луки не хотели поддаваться им.

– Мало каши ели, – съехидничал Афанасий, но тут же обнадежил братьев: – Ничаво, получится со временем. Не каждому стрельцу сие по силам.

Афанасий придирчиво осмотрел луки, которые братья выбрали для себя. Хмыкнув, стал вытаскивать из налучей лук за луком и, осмотрев, возвращал их на место. После долгих поисков он нашел, что искал. Это был обычный, ничем не примечательный короткий лук, только вот верхний конец у него был чуточку длиннее нижнего. Афоня выглядел очень довольным, словно кот, обнаруживший на столе забытую хозяевами кринку с молоком.

– Дядька Афоня, зачем тебе такой лук? – Сенька с братьями удивленно уставились на Афанасия, не понимая, чему тот радуется.

Лука хитро подмигнул Андрею, как бы в предвкушении очередной серии вразумления молодых.

– Вот смотрите. Что можете сказать о хозяине лука? Какой он был лучник? – Афоня осторожно передал лук братьям.

– Да откуда нам знать? – за всех ответил Сенька. Братья удивленно переглянулись, не зная, что сказать, и выглядели они очень растерянными.

– Ну, перво-наперво лук сей делали на заказ. И лучник был от бога. Вот смотрите: у всех луков рога по длине одинаковые, а у этого верхний рог чуток длиннее, – начал объяснять Афоня. – Хозяин этого лука понимал толк в стрельбе. Так достигается полное равновесие в броске. Центр, глядите-ка, выходит не посередине рукояти, а ближе к верхнему концу, – Афанасий сопровождал свои слова наглядной демонстрацией. – Видите? Тут помещается большой и указательный пальцы, и именно тут размещается стрела. Понятно теперь?

– Спасибо, дядька Афоня, за науку, – братья в ноги поклонились Афоне.

Ватажники, чей доспех был изрядно посечен в схватке с татарами, уже закончили примерять новые доспехи и хозяйственно упаковывали новые брони в мешки. Братья также выбрали себе по дополнительному доспеху. Остановили они свой выбор на легких полубайданах. Лука Фомич было вопросительно глянул на Андрея, но тот утвердительно кивнул головой, и Лука одобрил выбор братьев. Доспехи сидели на братьях как влитые, даже подгонять не придется. Так же выбрали братья для себя наручи и бутырлыки. Андрей и тут утвердил их выбор.

Лука Фомич с Кузьмой остановили свой выбор на смешанных панцирях с зеркалами. И теперь придирчиво разглядывали друг друга.

На разбор конной упряжи Андрей не остался, ушел со двора, извилистая тропинка привела его к реке. Уселся на бережку и предался размышлениям о жизни. Одиночество было прервано появлением Луки.

– Не помешаю? – Лука замер в ожидании.

– Присаживайся, – Андрей махнул рукой.

– Я, князь Андрей свет Георгиевич, хотел поговорить с тобой, – решительно начал Лука. – Непонятен ты мне казался. Мы ведь с мужиками как думали попервости – послужим чуток, а там... Ищи ветра в поле. А теперь прощения хотим просить, за думы нехорошие.

– Да знаю я, Лука Фомич. Не первый год живу. Люди везде одинаковые.

– Ты не думай о нас плохо. Добычу мы взяли отменную с татар. Когда ты отдал добро обратно православным, мужики недовольны остались. По правде-то, раз не уберегли они своё имущество, то и прав на него не имеют. Но когда ты роздал брони мужикам...Ты хоть знаешь, сколько это все стоит? И к раненым ты доброе отношение имеешь. Кузьма говорит, что все они встанут на ноги.

– Знаю, Лука. А чего не знаю, то о том догадываюсь. Но что мне толк в мошне тугой, когда враг нападет? А вой в добром доспехе завсегда врагов порешит и сам жив останется. Потому и сказал тебе раздать кому что нужно. Не князь дружину кормит, а дружина князя. Так у нас исстари заведено было. А кто думал иначе, тот и земли своей лишился, и живота своего. Вот так-то.

В деревеньке пришлось задержаться. Состояние раненых вызывало опасения у Андрея, и он принял решение обождать с отправлением пару дней. Часть ватажников им была отправлена на помощь сельчанам. По весне в деревне каждая пара рук на вес золота. Возражений со стороны бывших ушкуйников не последовало. Они вдруг превратились в дисциплинированных воинов, готовых выполнить любой приказ командира.

Тем временем Андрей при помощи Луки и Спиридона договаривался с Титом о лошадях. Лука советовал оставить табун на попечение деревенских. За это пришлось отдать назад часть телег, отобранных у деревенских, и добавить до ровного счета татарского серебра чуток. Увидев серебряную монету, Тит тут же согласился присмотреть за лошадками.

Спиридон же с семьей должен остаться в селе присматривать за ранеными, пока они не поправятся. Андрей оставил Спиридону довольно серебра, чтобы он мог прокормить семью и раненых ватажников.

Глава 5

Стольный град Переяславль Резанский

Нагрузив ушкуй припасами, трофейным добром, разместив раненых и покидав на дно кораблика пленных татар, отплыли с первыми лучами солнца. Река, по

которой они шли, называлась Пранова и впадала в Проню. Русло реки очень извилистое, дно местами илистое.

За время плавания Андрей от Луки узнал много интересного касательно кораблестроения. По словам Луки выходило, что построить ушкуй – плевое дело. Они и сами могут, бывало и строили. Только ходить такой ушкой будет недолго – одно лето, от силы два-три. Настоящие ушки, как и ладьи, могут изготавливать только мастера-корабелы, владеющими секретами. А секретов там всех и не перечесать. Вроде бы все просто, все понятно, а поди, сделай качественно. Вот то-то и оно. А вышедший из рук мастера служил долго – лет по двадцать, а то и все тридцать бывало. Это при условии надлежащего ухода за кораблем. Ремонт делали периодически раз в два-три года.

Андрей уже понял, что ушкой обычная однодеревка, и теперь слушал незамысловатую технологию изготовления кораблей-однодеревок на примере обычной лодки. Луке понравилось поучать барина, и по всему выходило, что он испытывает удовольствие, видя, как барин схватывает все на лету.

«Мать честная, – думал Андрей, слушая Луку. – Вот ведь педагог пропадает! Ему бы в школу да учеников толковых, а он бегаёт по стране, увешанный железяками, как консервная банка, и ножичком размахивает. Такие таланты пропадают».

– Ушкой – обычная однодеревка, – услышал Андрей Луку, который, видя, что боярин задумался, повысил голос. – И делается из цельного ствола дерева, осины там али дуба.

– Так вот, – Лука поудобнее устроился на лежащих вповалку мешках и продолжил: – Осину заготавливают в любое время года. Но не каждое дерево подойдет. Лучше всего брать чернокорую, но серокорая тоже годится. Спиленную осину корят, намечая толщину бортов сторожками.

– Постой, а длина ствола осины какая должна быть? – Андрей перебил Луку.

– Ты не перебивай, – Лука недовольно поморщился. – Как есть, все обскажу. Ну, что сам знаю, конечно. Ствол, значит, берут саженой три, а то и все семь. Всё зависит от размеров потребных. Вот корят осину и сторожки ладят. Толщина бортов обычно вершок. Для сторожек иву берут и красят те сторожки краской.

Потом обрабатывают нос и корму – форму значит придают им. Как придали форму, так начинают выбирать нутро заготовки. Выбирают до окрашенных сторожек. Потом на местах крепления опруги из еловой ветки али можжевельника оставляют по две дыни для каждой опруги. Дыни надобно делать небольшими, чтобы борта лучше расходились, когда намачивать будешь лодку. Опять же расстояние угадать надобно между дынями, то мастера секрет знают. Опосля лодку сушить надо. Можно в тени сушить, но лучше всего в сарае или под крыльцом еще можно.

Как высушат, то разводить начинают – наливают воду теплую. А прежде чем воду лить будешь, поставить уточки надо на корму и на нос.

– Постой, Лука, у нас другие слова бытовали у корабельщиков, ты поясни сразу, что за «уточка» такие? А то дыни всякие, уточки... – Андрей с интересом слушал и мотал на ус.

На строительстве кораблей можно было заработать. Это может принести неплохой доход, если поставить лесопилку и продавать доски корабельщикам, а то и самому наладить производство ушкуев, лодий и насадов и мелких лодочек.

– Молод ты ещё, князь. От того не уразумеешь, что вежество должен оказывать старшим, хоть ты и боярин. Не перебивай, – Лука не на шутку рассердился. – Все обскажу.

Он почесал бороду и ловко поймал какую-то живность. Раздавил ее. Андрей аж замер, увидев, кого так ловко раздавил ногтями Лука.

Лука, как нарочно, не торопился. Долго сморкался, затем ополоснув лицо речной водичкой, почерпнутой из-за борта ушкуя, долго ерзал на мешках, устраиваясь поудобней.

– Уточка, боярин, это не та живность лесная, что плавает по рекам и озерам. Так в народе доски с запилами для бортов зовут, чтобы не разорвало эти самые борта. Заливают водой теплой, – продолжал Лука. – И начинают снаружи опять сушить. Можно на солнышке оставить сушиться, а можно костры жечь. Но учти, большие костры разводить нельзя. С кострами-то борта разойдутся быстрее, но если с жаром не угадаешь, то трещины пойдут, а то значит, что начинай все сызнава. Так-то.

Лука замолчал и после небольшой паузы продолжил:

– Разводят борта до предела и ставят опруги по размерам надобным. Это значит, чтобы борта обратно не завернуло. Опруги крепят к дыням проволокой. Для чего в дыне отверстия делают. Вот как закончат их крепить, то начинают по краям набои ладить. А крепят их гвоздями. Набои должны быть сырыми, их заранее мочат в теплой воде, ну в луже какой...

«Набои – это скорее всего доски», – догадался Андрей.

– Смолят набои потом. Со всем тщанием смолят, иначе сам понимаешь... Смолить корабль нужно каждые три года, иначе пропадет ушкуй быстро, а просмоленный лет тридцать ходить будет.

– А набои из какого дерева делают?

– Так кто как. Но самое то – дуб, сосну еще можно. У нас вот сосновые набои, разве не приметил? Нет? Ну да ладно. Вот смотри, на носу и корме настил делают, а кормило крепят то к носу, то к корме. Оттого удобно плыть на таком кораблике, на речках малых не развернешься, а так перекинул весло и вперед.

* * *

До Оки добрались быстро. От рыбаков узнали, что великого князя в Старой Резани нет, потому решили плыть дальше. Ушкой бодро бежал по волнам, гребцы слаженно махали веслами, Андрей время от времени садился на скамейку гребцов и с удовольствием махал веслом, что вызвало молчаливое одобрение команды.

До Переяславля Резанского добрались на третий день. Стоило ушкую глухо стукнуть о вымол, как с кораблика посыпались ватажники, которые принялись сноровисто вязать чалки[16 - Чалка – причальный канат, трос для речного судна, лодки.]. Не успели опустить деревянные сходни, как тут же объявился плюгавенький сборщик налогов, в сопровождении двух детинушек с огромной грудой мышц и откровенно тупым выражением на простодушных лицах. Глазки мытника воровато бегали, губы безмолвно шевелились, когда он, то и дело

сбиваясь со счета, пересчитывал людей на борту ушкуя.

Лука Фомич выложил без вопросов требуемую сумму и яростно заспорил, когда «налоговик» потребовал плату за товар, лежащий в ушкуе. Ушлый новгородец настаивал, что продавать ничего не собирается, а если и решит государь что-либо продать, то налог с проданных товаров заплатят на торгу, благо там мытники тоже имеются, и не один, а несколько.

На широкой пристани Андрей насчитал больше десятка различных кораблей. Часть из них стояла на погрузке, часть разгружалась. Полуголые амбалы споро катали бочки, таскали тюки, тяжелые сундуки.

Рядом с корабликом вертелся монашек в черной рясе и с деревянной кружкой в руках. Покрутившись еще немного, но так и не дождавшись милостыни, он потерял интерес к ушкую, шустро семена по деревянной мостовой в сторону посада.

Оставив команду ушкуя на берегу, Андрей в сопровождении Луки Фомича и всех троих братьев отправился в город. Лука уверенно широко шагал по бревенчатому настилу, ведущему от пристани в сторону города.

Андрей поразился мощным крепостным укреплениям города, под высокими дубовыми стенами которого ютились сотни деревянных изб посадских людей. Повсюду сновали телеги, спешили по своим делам горожане, купцы и приказчики. Андрей заметил, что многие из горожан носили на ногах настоящие кожаные сапоги, до этого все виденные Андреем крестьяне на ногах носили лыковые лапти. Только семья Спиридона выделялась среди прочих крестьян своей добротной кожаной обувью, а в городе – чуть ли не каждый второй щеголял в кожаной обуви! Одежда горожан не отличалась разнообразием, но зато была очень ярких расцветок.

Город хорошо охранялся. Компания подошла к высокой деревянной надвратной башне, у широко открытых ворот дежурили оружные вои, на самом верху, на открытой всем ветрам площадке, нес службу дозорный.

Лука небрежным жестом бросил мелкую медную монетку в оловянную кружку точной копии мытника на пристани. Худощавый мужичок, одетый в давно не знавший стирки татарский халат, явно с чужого плеча, ловко вытряхнул монетку

на такую же грязную, как его одежда, пятерню, довольно оскалился, кивая головой стороже. Стражники словно нехотя посторонились, пропуская честную компанию в город. Оружия при путниках не было, Лука посоветовал оставить сабли на ушкуе во избежание неприятностей. Андрей не спорил, бывшему ватаману ватажников лучше знать, что делать.

Древний Переяславль удивил Андрея контрастами: узкая улочка, где вместо привычного асфальта лежала добротная деревянная мостовая, вывела их на весьма широкую площадь, где размещался один из городских торгов.

Торговых площадей в городе было несколько, одну из них Андрей успел мельком рассмотреть, пока шли по посаду: за стенами города, на продуваемом со всех сторон месте рядами стояли шалаши и палатки, в которых мелкие торговцы, громко зазывая покупателей веселыми прибаутками, предлагали продукты питания и всякий мелкий товар. И, по словам Луки, этот торг был не единственным в городе. Отдельно располагался торг, где татары продавали лошадей, быков, овец. В самом городе торг был посолидней: вместо временных палаток и шалашей стояли добротно срубленные лавки и полулавки. Между ними проворно сновали горожане и окрестные крестьяне, спешившие по только им ведомым делам.

Лука, уверенно лавируя между непросохшими лужами, двигался к княжескому двору. Сомнения Андрея, что попасть так просто к князю не получится, у Луки вызвали лишь веселую улыбку. Действительно, попасть на княжий двор не составило труда. Князь был на месте. Дюжие молодцы, боярские дети, опоясанные кривыми саблями, провели Андрея к князю.

Великий князь рязанский оказался обыкновенным мужиком, разве что одежда на нем не в пример прочим богатая. А так вполне обычный мужик среднего роста, с традиционной, коротко стриженной бородой, открытым взглядом темно-карих глаз, квадратной челюстью и плотно сжатыми губами.

Андрей топтался на месте, не зная, с чего начать, занятие князя не вязалось с княжеским достоинством. Князь собственноручно ухаживал за белоснежным статным арабским жеребцом.

Андрей поклонился низко-низко, как перед ним кланялись братья.

– Кто таков? – спросил князь хриплым голосом, не отрываясь от своего занятия.

– Андрей я, князь Заморских земель, – набравшись решимости, начал врать Андрей.

– Князь, говоришь? – Иван Федорович резко обернулся, впившись в Андрея цепким взглядом. Оценив внешний вид посетителя, рязанский князь неопределенно хмыкнул. – Почто один?

– Не один я, – смело возразил Андрей. – Людишек моих море забрало, а те, что выжили, от татарских сабель пали. Товары мои татары отобрали, еле ушел я от бесермен.

– Серебра не дам! – резко ответил великий князь. Андрей опешил. При чем тут серебро? Или он решил, что я жаловаться прибежал на разбойников татар?

– Так не нужно мне серебро, – Андрей не удержался, усмехнулся, чем вызвал неудовольствие князя.

– Позволь служить тебе верой и правдой.

Все, главное сказано, теперь ход за князем. Или пан, или пропал. На худой конец, можно попробовать с московским князем договориться или в ушкуйники податься, благо ватажка опыт имеет в разбойничьих делах немалый, а потом прибрать к рукам земельку хоть у этого недоверчивого князя, хоть у татар. Основать собственное княжество.

– Служить? – князь весело рассмеялся. – Пожалуй, я возьму тебя в дети боярские или в дворные слуги[17 - Дети боярские – сословие, существовавшее на Руси в конце XIV – начале XVIII века. В XVI–XVII веках дети боярские вместе с дворянами несли обязательную службу, за которую получали поместья и записывались в десятни по уездам и составляли русскую конницу.].

А вот этого не надо. Он не малоимущий княжич, от бедности служивший великому князю боярским сыном, и, кто такие слуги дворные, Андрей уже знал. Предложение более чем оскорбительное для новоявленного князя.

– Дозволь служить тебе вместе с дружиной? – Андрей все еще надеялся, что с князем удастся договориться.

– А сколь велик твой двор? – Иван Федорович уже смотрел с интересом на Андрея.

– Полсотни воев, но могу и вчетверо больше набрать, коли нужда будет, – ответил Андрей, ожидая реакции князя. – Все при доспехе добром, оружны, на конях. Да ушкуй еще есть у меня.

– Где отчина твоя? – перебил князь Андрея.

– За морем. Только нет у меня более отчины. Пращур мой вышел из Руси, взяли мы землю обетованную под себя. Да только враги одолели нас. Отец посадил меня на корабли и велел плыть обратно на Русь, а сам с моим старшим братом остался биться с погаными, – на одном дыхании выпалил Андрей загодя приготовленную сказку. Поди, проверь, правда это или нет! – А еще грамотку он отписал князьям Земли Русской. Просит не оставить в беде сироту.

Андрей достал пластиковый футляр с грамотой, которую один спившийся музейщик состряпал ему на старинной бумаге честь по чести.

– Изгой, значит? – уточнил великий князь. Андрей предпочел не отвечать на вопрос. Тут же в руке у него появился кожаный мешочек, в который он предусмотрительно положил по совету Луки пятнадцать золотых монет византийского чекана. Лука настоял именно на пятнадцати, не больше и не меньше. Сумма огромная по нынешнему времени. Великий князь, как и все правители, имел нужду в средствах. А если Андрей может позволить себе отдать такую сумму, то не бедный он, значит, не последнее же отдает. Значит, казну сохранил.

– Прими, государь, поминонок мой, – сказал Андрей, как научил его Лука, протягивая калиту с золотишком. Низкорослый мужик, стоявший рядом с князем, вновь подошел к Андрею, принимая подарок. Развязал тесемки, высыпав монетки на ладонь. Глаза у князя вспыхнули радостным огнем. Видно, прав был Лука, когда утверждал, что золото откроет любые двери.

– Хорошо, – после недолгого раздумья ответил князь. – Беру тебя на службу со всем твоим двором. Жить есть где? А впрочем, какое там...

– Не изволь беспокоиться, государь. Я подворье тотчас куплю, – поспешил успокоить князя Андрей.

– Ступай, – усмехнулся великий князь. – Жди посылы от меня.

После посещения великого князя Лука, не откладывая дела в долгий ящик, потащил своего господина в храм. Андрей искренне недоумевал, зачем им понадобилось тащиться в церковь, не лучше ли заняться поисками жилья. На что Лука Фомич терпеливо ответил, что помолиться Богу никогда лишним не будет, и свечку поставить сам бог велел. Но где как не в митрополичьем дворе они могут продать золото.

Андрей тяжело вздохнул, но перестал досаждать ватажнику глупыми расспросами. Лука оставил князя во дворе, а сам убежал догонять старичка в рясе. Перетолковав со старцем, Лука сообщил, что дело выгорит. Действительно, скоро за ними пришли и повели внутрь деревянного дома.

Золото именно продавали, причем на вес. Сначала золотые кругляшки проверили на подлинность самым надежным способом – на зуб. Потом монетки тщательно взвесили на весах. Убрали в сундучок, стоящий под лавкой. Оттуда вытащили мешок с серебром. На чашку весов насыпали серебряные монетки. Андрей не мог определить, чем руководствовался старец, когда отвешивал серебро, но Лука Фомич яростно спорил, доказывая, что это самый настоящий грабеж. После долгих препирательств серебра значительно прибавилось на весах. Когда золото было продано, Андрей достал из-за пазухи еще два золотых и положил их на стол.

– Это церкви на помин души убиенных, – сказал он.

Старец дар принял, тщательно записал имена, которые продиктовал Лука, огорошенный поступком господина. Среди прочих имен Лука не забыл упомянуть Фому, зачинщика свары, приведшей ко многим смертям. После этого ватажник уже по-другому смотрел на своего господина.

Потом пошли на торг, где Лука прямым ходом зашел в первую же лавку. В ней царил полумрак. Повсюду навалом лежали тюки с разноцветными тканями.

Вежливо поздоровались с хозяином. Лавочник в подбитом мехом зеленом кафтане длиною до голенищ ярко-красных сапог и шитой из синего бархата тафьей на голове начал было нахваливать свой товар, но Лука с ходу пресек словоохотливого купчину, предложив ему заработать деньжат, дав сведения, нужные путникам.

– Боярин наш дом решил купить в городе. Не знаешь, продает кто? – задавая вопрос, Лука выкладывал на стол горсть медных татарских монет.

После того как ловким, стремительным движением руки толстопузый коротышка-лавочник смахнул монетки со стола, выяснилось, что дом есть на продажу и даже не один, но особенно нахваливал купчина подворье купца по имени Иван Андреев сын Соловкин.

– Тебе какой интерес с того? – подозрительно уставившись на купчину, строго спросил Лука.

– Так должник он мой, а срок уже выйдет на днях, – владелец лавки уныло махнул рукой, тяжело вздыхая, и по-бабьи всхлипнул. – Да только мне в последнюю очередь долг зачтется, князь все себе заберет сперва.

– Это почему? – проявил заинтересованность Андрей, перестав разглядывать лавку.

– Иване деньги брал не токмо у меня, но и у князя нашего, – продолжая тяжело вздыхать, пояснил купчишка. – Пойдемте, я вам дома-то покажу, – он ловко вытащил из-за прилавка свое пузатое брюхо и направился к выходу из лавки, мимоходом прихватив со стола огромный висячий замок с таким же большим железным ключом.

Первые два дома внутри городских стен Андрей отмел сразу, хоть и нестарые дома, но маленькие, одноэтажные, не считать же высокую подклеть за этаж. Ораву, что приплыла с Андреем на ушкуе, в таких домах не разместить при всем желании. А вот следующий дом, на окраине посада, прямо на берегу речки, приглянулся Андрею сразу: новенький, недавно срубленный двухэтажный дом

все еще пах стружкой и радовал глаз большими размерами, в том смысле, что дом состоял из нескольких больших срубов.

По периметру усадьбы размещались разнообразные хозяйственные постройки, как-то: амбары, конюшня на три десятка лошадей, хлев, поварня зимняя и летняя, мыльня и несколько сараев, о назначении которых Андрей постеснялся спросить.

Со стороны улицы из-за высокого тына совершенно не видно очень просторного двора, который являлся центром усадьбы, двор частью был закрыт хозяйственными постройками, частью высоким забором. И главное, усадьба с домом располагалась чуть в стороне от скопления других домов. Кстати, о заборе, он был из досок, а не из бревен. На улице полно луж, прямо у забора, а внутри сухо, ни капли воды не просочилось внутрь. Все дело в досках. Один край доски шире другого, доска, получается, вставляется одна в другую, оттого и не пропускал такой забор влагу.

Хозяин подворья – тот самый проторговавшийся купец. Еще нестарый, в полном расцвете сил, он мало походил на купца-заимодавца. Было в нем то, что сразу расположило к нему Андрея. Прямой, открытый взгляд светло-зеленых глаз и открытое честное лицо располагали к доверию. Купец сразу сказал, что продажа дома – вынужденная мера. Дела его совсем расстроились. Два последних года дела шли из рук вон плохо: в прошлом году ходил купец на Вятку на трех лодьях, да неудачно, еле жив остался, потеряв две ладьи и почти весь товар, подвергшись нападению черемис. Все бы ничего, оставшегося товара вполне бы хватило, чтобы начать торговлю заново, но неудачи преследовали купца уже второй год подряд, и подошел срок платить по закладным. Снаряжая караван, пришлось занять деньжат у местных купцов и князя Рязанского, тот часто ссужал купцов деньгами – дело обычное. Хуже всего было то, что часть отнятого разбойниками товара принадлежала князю, возвращать приходилось уже по ценам рязанского торгового рынка, а не по закупочным ценам Вятской земли. Семьям погибших тоже нужно помощь оказать, иначе не по-людски это.

За усадьбу купец запросил ни много ни мало пятнадцать московских рублей. Дороговато, конечно, ведь дом не отделан изнутри. Стены комнат обшиты липовыми досками, на которые мастера успели нанести ознаменку[18 - Ознаменка – предварительная разметка.], и только. Лавки и те не в каждой комнате стоят, работы по отделке помещения купец планировал закончить к зиме, но видишь, как все получилось – пришлось срочно продавать хоромы.

После недолгого спора, который в основном вел Лука Фомич, сошлись на десяти рублях и отправились выправлять купчую грамоту.

По дороге купец поведал, что продает еще лавку и ладью и амбары на пристани. Но боится, что не успеет продать до срока, и все равно вырученных денег будет недостаточно, чтобы покрыть долги.

Посоветовавшись с Лукой, Андрей решил сразу же посмотреть лавку, ладью и амбары. Осмотр кораблика удовлетворил Луку, Андрей-то в кораблях не разбирался, потому полностью положился на мнение специалиста: ладья совсем добрая, хотя и не новая. Амбары добрые – нужно брать, решил Лука. Лавка, осмотренная по пути на пристань, ничем не выделялась от точно таких же соседних лавок, разве что товару в ней значительно меньше.

Долго спорили о цене. Лука – большой дока торговаться, безбожно сбивал цену, а купец уступал помалу. Андрей получал огромное удовольствие, слушая, как мужики торгуются-рядятся. В итоге Лука с купцом сошлись в цене, и они ударили по рукам.

– Без ножа режете! – купец хоть и делал вид, что недоволен предложенной ценой, но явно доволен сделкой. Через два часа Андрей стал обладателем грамоты, писанной на настоящей серой плотной бумаге, с водяным знаком в виде головы быка, подтверждающей, что купец продал ему усадьбу, лавку со всем имеющимся в ней товаром, ладью и амбары. Тощий вьюноша в стареньком кафтане с чужого плеча, от усердия высунув язык, старательно вывел последнюю букву, осторожно присыпал написанный текст мелкозернистым песочком. Тщательно смахнув крупички песка с листа, писец громко зачитал написанный текст. В происходившем действии Андрея удивили два момента: во-первых, все присутствовавшие при сделке были грамотными, видаки, убедившись, что написанный текст соответствует действительности, поставили свои подписи на документе, после того как грамотку подписали продавец и покупатель. Самым безграмотным среди всех оказался Андрей, он с трудом мог разобрать старинный текст, но старательно вывел печатными буквами свое имя на документе. Когда грамоту подписали все участники сделки и пятеро приглашенных видаков, в число которых вошли Лука и Сенька, Андрей положил на стол две старинные римские золотые монеты и три связки продернутых за ухо на металлический стержень беличьих шкур. Они принимались в качестве платежного средства наравне с монетами. За шкурками пришлось сгонять Семена на ушкуй, когда выяснилось, что Андрей собирается платить золотом, а

татарского серебра в кожаном мешочке не хватало, чтобы заплатить ровным счетом.

Во-вторых, куплю писали от лица продавца – резанского купца Ивана Андреева сына Соловкина, который подтверждал, что продал князю Андрею подворье с лавкой и амбарами. В грамотке покупатель назывался князем заморских земель, это вызвало улыбку на лице Андрея, но спорить он не стал – Лука знает, что делает.

– Вот и славно. Пора отметить покупку. Составишь компанию, Иван Андреевич? – у Андрея зародились планы в отношении купца.

– Да чего там, – махнул рукой купец, соглашаясь. – Пошли...

Тем временем Лука, не теряя времени даром, отправился на пристань заниматься разгрузкой ушкун и транспортировкой добра на подворье. Сенька, получив золотую монету, умчался к еврею продать золотой и сразу на торг торговать столы, лавки, кровать для боярина, перину, простыни и прочие мелочи, в доме мебели не было никакой.

Андрей же засиделся с купчиной далеко за полночь. Результатом совместного обеда и посиделок стал наем купца на службу.

– Как дальше жить думаешь, Иван Андреевич? – поинтересовался планами купца на дальнейшую жизнь Андрей.

– Бог даст, не пропаду, – ответил купец.

– Хочу вот торговлею заняться, – осторожно начал вербовку купца Андрей. – Нужен мне человек, сведущий в делах торговых, – он пытливо посмотрел в глаза купчины, – платой не обижу. Пойдешь?

– Чем торговать будешь? – в светло-голубых глазах купца явно просыпался интерес.

– Разным товаром. Токмо торговать не я, а ты будешь. Мое дело ратное, сам понимаешь. Но одно скажу – без дела сидеть не будешь, Иван Андреевич. С

твоей торговой хваткой и моими возможностями – мы уж как развернемся. По рукам? – Андрей протянул свою руку купцу.

– Не получится, – помотал головой Иван Андреевич.

– Что мешает? – Андрей очень удивился отказу.

– В закупы меня отдадут. Мне не рассчитаться по долгам, я говорил уже тебе об этом, – глядя прямо в глаза Андрея, сказал купец.

– Так давай серебра тебе дам? – предложил Андрей.

– Кабалу оформишь? – уточнил купец. – А все едино, что кабала, что в закупы идти, – в голосе Ивана Андреевича отчетливо сквозило отчаяние, как ни пытался он это скрыть. Судя по всему, купец согласился.

Дальше он посвящал Андрея в тонкости торгового дела. Где что купить, где продать и когда в особенности. Вся торговля завязана на речных путях и зимниках. Дорог проезжих как таковых не было. В основном пути и направления. Но указатели на импровизированных дорогах имелись, в виде камней. Знающие люди по ним легко определяли свое местоположение и нужное направление пути.

Купец вел торговлю в двух направлениях. Оба имели свои плюсы и минусы, но были одинаково доходными. Новгород в обмен на воск, мед и меха поставлял ткани заморские. В Переяславле купец расторговывался тканями и скупал мед, воск, который реками возил или в Торжок, или в Новгород, перепродавая новгородским купцам, так как торговать напрямую с ганзейцами не имел права. Второй торговый путь вел на Вятку. Там менял железные топоры на меха и воск, мед. С Вятки по северному пути шел в Новгород или же возвращался в Резанское княжество, а оттуда, снова нагрузившись товарами, шел в Новгород. Хлебом торговал изредка, большей частью скупая его в деревеньках и перепродавая в Переяславле и Москве. Изредка, когда в Новгороде случался неурожай, возил хлеб до Торжка. Торговать хлебом – занятие хлопотное и малоприбыльное, исключение составляют голодные годы, тогда на торговле хлебом можно было озолотиться или потерять жизнь. Разбойники не дремлют, а в голодный год любой боярский сын – ну чисто разбойник.

Путь до Новгорода из Резанского княжества относительно безопасен для больших обозов, гораздо больше шансов лишиться живота на Вятке. Новгородские купцы, когда их никто не видит, не прочь взять купца заезжего на щит, черемисы от них не отставали, тоже безобразничали потихоньку. Что и случилось, впрочем, с Иваном Андреевичем в прошлом году, когда лодьи купца подверглись нападению.

К сумеркам совместными усилиями план торговой кампании был разработан до мелочей. Андрей сразу смекнул, что барыши тем больше, если оборотный капитал велик. Торговля с «колес» не приносила большого дохода, но по местным меркам была не так уж и мала. Купцы выходили из положения, кредитуясь на стороне, у бояр и князей. Иметь долю в торговых операциях было в обычаях местной аристократии. Иван Андреевич заверил, что передаст боярину всех своих людей, работавших на купца в прошлых годах. По договору купец оставался жить в доме Андрея, места хватало.

На следующий день Андрей проснулся далеко за полдень. Впервые за много дней Андрею довелось поспать в человеческих условиях. Сенька купил-таки настоящую кровать и перину с подушками. Князь, как вернулся с посиделок с купцом, сразу и не обратил внимания на новую мебель, упал на кровать не раздеваясь и провалился в глубокий сон, лишь с утра оценив старания парня. Вставать не хотелось.

Андрей поправил подушку, мысленно поправляя себя, что пора привыкать называть вещи своими именами – не подушка, а зголовье, или взголовье. Самая большая трудность в общении с народом на бытовом уровне заключалась в незнании названий обычных вещей в обиходе. Но Андрей делал поразительные успехи, легко запоминая названия вещей, но часто путался, применяя привычные ему названия, не совсем понятные для окружающих.

Андрей с наслаждением потянулся, стягивая с себя одеяло. Ночью кто-то заботливый раздел пьяного князя, накрыв легким одеяльцем.

Андрей натянул шаровары, обул ноги в так понравившиеся ему мягкие татарские ичетыги[19 - Ичитыги, Ичиги – татарские сапоги.] из сафьяна и отправился во двор. Набрал колодезной водички, ополоснулся и сразу почувствовал прилив сил, кровь так и забегала по жилам. Сделал разминку – стало совсем хорошо.

– Андрей Георгиевич! – купец встал ни свет ни заря, успел сделать многое, теперь вот сидел на лавке, у крыльца, греясь под лучами весеннего солнышка, в ожидании, когда князь изволит проснуться. – Надо бы челядников нанять. Сготовить там, постирать, да много чего... Я тут приглядел людишек. За воротами ждут. Так позвать? – Иван Андреевич сразу взялся за дело в соответствии с вчерашними договоренностями. «И когда успел приглядеть? Впрочем, уже день, а вставать тут принято с первыми петухами», – подумал Андрей, опрокидывая на себя очередное ведро с холодной водой.

– Уф-ф, – фыркнул Андрей от удовольствия, – хорошо. Зови, – он принял от Федьки расшитый незатейливым узором кусок материи, означающий, видимо, полотенце, энергичными движениями стал им растираться. Затем надел красную шелковую рубаху и поданный Федором новенький расшитый золотом кафтан из татарской добычи, на ходу застегивая пряжку на шелковой опояске.

Он не знал, как себя вести с прислугой, и потому отчего-то решил, что бояре должны занимать наибольшую высоту при разговоре с челядью. Во двор вошли с десяток мужиков и баб в традиционных одеждах. На улице теплынь, а мужики вырядились, словно на дворе холода лютуют. То ли дело бабы, все по погоде одеты. Мужики все как один: на голове конусообразные с плоским верхом шапки из валяной овечьей шерсти. Отличались шапки только цветом и степенью их износа. Кафтаны у всех практически одинаковые – шитые из сермяги. Поверх кафтанов накинута синие суконные охабни[20 - Охабень – верхняя, длинная и широкая одежда, подобная однорядке, только с отложным воротником, спускавшимся от самой шеи до половины спины.] и однорядки. Скромность верхней одежды подчеркивала обутка на ногах – красные чеботы[21 - Чеботы – мужская и женская обувь, похожая на глубокий башмак с острыми, кверху загнутыми носками.] из мягкой кожи с длинными, до колен или до бедра, голенищами. Андрей разглядел кожаные ремешки, за крепляющие сапоги, они обвивали ноги и завязывались под коленками. У бородача в необычайно длинных сапогах ремешки наверняка крепились к поясу. Колодка сапог у всех прямая, деления на правый и левый сапог еще, наверное, не знали, или горожанам было все равно, лишь бы удобно было ногам. Лишь у одного из пришедших на ногах татарская обутка – остроносые ичитыги. Под распашными кафтанами – нарядные длинные льняные рубахи, подпоясанные широкими поясами ниже талии, что придавало хозяевам, по их мнению, солидности. Женщины одеты также одинаково: рубаха, понева из шерстяной ткани, пояс, на голове убрус или сорока, на ногах лапти.

Все семейные пары неожиданно согласились на предложение оформить кабальную запись на всю семью, включая детей. Мужики было заартачились, предположив, что боярин предлагает запродаваться в холопство, но Андрей как мог растолковал разницу. За три рубля московской деньгой Андрей получал семью из двух взрослых и одного-двух несовершеннолетних детей разного возраста, за пять рублей – двое взрослых и трое-четверо детей.

Кабальная запись, по сути – временное лишение свободы с кучей приятных бонусов.

Первое – родственники получают необходимые им деньги, а можно вложить полученное серебро в торговое предприятие местного купца, или просто банально прогулять полученное серебро.

Второе – боярин тебя кормит, поит, одевает, дает крышу над головой. Чем богаче боярин – тем сытнее жизнь.

Третье – ограничение свободы временное, на определенный срок: от года до пяти лет. По окончании срока кабальной записи можно вернуть взятые деньги и стать снова свободным, но можно и не возвращать, вот тогда уж наступает полное холопство. Андрей разъяснил, что быть кабальным холопом не значит, что твои дети станут холопами, все дети, рожденные в кабальном холопстве, рождаются свободными! Это раз, а во-вторых, – продолжал объяснять разницу Андрей, – кабальная запись оформляется на всю семью, но, в отличие от принятых на Руси правил, если мужики не дай бог помрут, не успев выкупиться, то их дети холопами по «старине» не станут.

Андрей удивился, сколь велик должен быть двор боярина. Андрей утвердил всех, и Иван Андреевич повел народ к дьяку оформлять кабальные записи. После выполнения всех формальностей работа в доме закипела. Уже к вечеру по дому разносились запахи свежесыпеченного хлеба и жареного мяса.

Потихоньку быт обитателей дома обустроивался. Андрей погряз в хозяйственных делах и чуть волком не выл от навалившихся на него забот. Первым делом приоделся сам, и ратникам пришлось справлять новую одежду взамен пообносившейся, для чего пригласили несколько швецов и устроили в доме Андрея швейную мастерскую. Перед этим купец с Лукой долго выбирали материю и цветовую гамму. А меха ушло целая прорва. В обычае народном

оторачивать мехом все, что можно и что нельзя тоже. Обувь заказали по паре сапог на человека. Но с той лишь разницей, что новгородцы предпочитали обычные сапоги, а братья выпросили себе татарские ичиги. Татарская обувь необычайно удобна, Андрей сам в этом убедился, ему также стачали парочку ичиг да еще украсили затейливой вышивкой.

Конечно, можно было раздать татарскую одежку, что взяли на татарах, но Андрей решил не мелочиться, деньги позволяли, и он хотел показать заботу о своих людях. Он был уверен, что вложения вернутся сторицей.

Андрей поставил на стол сундучок со всем оставшимся серебром.

– Значит так, Иван Андреевич, – сказал он, выкладывая стопками монеты на дубовый стол, покрытый красным сукном. – Казна пусть у тебя хранится. Тебе закупать товар надобно. Лука же с Семеном могут брать у тебя серебро на свои ратные и хозяйственные нужды. Учет веди строгий, – Андрей постарался спихнуть с себя очередную заботу. – Луке нужно будет починить доспехи посеченные. Если сможешь, то продай ненужное барахло татарское – Лука покажет, что не нужно. Оружие тоже можно продать, которое нам без надобности.

– Сполню все, князь. Я за людишками послал, что товар закупать будут по деревням. Лавка почти пустая. Нужно за товаром идти в Нижний али в Новгород?

Андрей задумался. Лавка действительно опустела, после того как стали шить одежду для самого князя и его людей. Кабальным холопам тоже пришлось поменять сермяжные кафтаны на нормальные из дорогой импортной ткани, иначе не поймут Андрея, по виду его дворни судят о самом князе.

– В Новгород пойдешь, Иван Андреевич, – принял решение Андрей. – Лука с тобой пойдет. Что повезешь?

– Меха повезу и воск, камки бы прикупить, да страшно дорого, ее бы в Нижнем брать, а еще лучше в Сарае, – загибая пальцы на левой руке, начал перечислять товары Иван Андреевич. – У Ивановских выменяю на сукна ипрские. Мелочи всякой прикуплю: пуговиц там, гребешков и иного товару мелкого.

- Постой, ты что про шелк говорил? – перебил купца Андрей.

- Да пришли по осени к нам тазики, один из города Кашиня[22 - Кашинь – Кашан, город на Иранском нагорье. Главный центр производства художественной керамики в Иране – фаянсовой посуды и архитектурной керамики, а также центр изготовления шелковых тканей и бумагеи.], второй из Ездея[23 - Ездей – Йезд, город на Иранском нагорье. Один из главных центров шелкоткачества на Ближнем Востоке. Служил узловым пунктом двух караванных торговых путей: один соединял северо-запад Ирана с Керманом и портом Ормуз, другой – Хоросан с Фарсом и Барсом.], на Рясском поле еле отбились от татарских казаков. Раны купцы получили страшные. Вот и пришлось им зимовать в граде. Сейчас собираются на Москву идти расторговываться.

- Тазики – это что или кто? – заинтересовался князь.

- Купцы с Востока, на Руси кличут их тазиками, – пояснил Иван Андреевич.

Князь задумался. Восток – значит шелк. Что еще могут везти восточные купцы?

- Камка[24 - Камха – обычно шёлковая цветная ткань, одно- или двухлицевая с рисунком (обычно цветочным), образованным блестящим атласным переплетением нитей, на матовом фоне полотняного переплетения.] в Новгороде хорошо идет?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

Драгоценные камни.

2

В Орде сейчас аж три царя!

3

Бармица – оплечье, походившее на отложное ожерелье, оно делалось или из сплошного железа, или из нескольких железных частей, скрепленных железными кольцами.

4

Хамьян – кожаный или из крепкой материи кошелек для денег, очень длинный, иногда в виде пояса.

5

Гривна – длинная серебряная палочка весом около 204 грамма. Имела наибольшее значение в денежном обращении. Изначально была распространена на северо-западе Руси, а с середины XIII века распространилась по всей территории Древней Руси.

6

Иван Фёдорович (ум. 1456) – рязанский великий князь (1427–1456), младший сын Фёдора Олеговича и Софьи Дмитриевны, дочери Дмитрия Донского.

7

Олег Иванович Рязанский – великий князь Рязанский с 1350 по 1402 год.

8

Сакма – изначально след на земле, оставленный зверем или конницей. Позднее сакма означала всякую проторенную, испытанную, проверенную дорогу. В русской летописной терминологии сакмы – пути (маршруты) передвижения татарских войск, а также главные дороги из Орды на Русь, из степей на Русь.

9

Мисюрка – железная шапка с бармицей. Мисюрки были двух видов: прилбицы и наплешники.

10

Байдана – разновидность кольчатого доспеха в виде рубахи длиной до колен, с рукавами до локтей и ниже. От собственно кольчуги она отличается лишь размерами и формой своих колец. Основное предназначение байданы – защита

от скользящих ударов сабли.

11

Хза – кожа.

12

Однорядка – верхняя широкая, долгополая одежда, без воротника, с длинными рукавами.

13

Ворворка – шарик на шнурке или тесьме над чашечкой, в которой скреплены пряди кисти.

14

Оглан (тюрк.) – букв. «сын», титул членов рода Чингисхана, не занимавших ханского престола; встречается в текстах конца XIV и XV вв.; по-персидски переводится «шахзаде» – царевич.

15

Батурлык, или поножи – доспех, состоящий из трех выгнутых железных или стальных пластин, закрывавших ногу всадника от колена до подъема и соединявшихся позади пряжками с запряжниками и наконечниками.

16

Чалка – причальный канат, трос для речного судна, лодки.

17

Дети боярские – сословие, существовавшее на Руси в конце XIV – начале XVIII века. В XVI–XVII веках дети боярские вместе с дворянами несли обязательную службу, за которую получали поместья и записывались в десятни по уездам и составляли русскую конницу.

18

Ознаменка – предварительная разметка.

19

Ичитыги, Ичиги – татарские сапоги.

20

Охабень – верхняя, длинная и широкая одежда, подобная однорядке, только с отложным воротником, спускавшимся от самой шеи до половины спины.

21

Чеботы – мужская и женская обувь, похожая на глубокий башмак с острыми, кверху загнутыми носками.

22

Кашинь – Кашан, город на Иранском нагорье. Главный центр производства художественной керамики в Иране – фаянсовой посуды и архитектурной керамики, а также центр изготовления шелковых тканей и бумази.

23

Ездей – Йезд, город на Иранском нагорье. Один из главных центров шелкоткачества на Ближнем Востоке. Служил узловым пунктом двух караванных торговых путей: один соединял северо-запад Ирана с Керманом и портом Ормуз, другой – Хоросан с Фарсом и Барсом.

24

Камха – обычно шёлковая цветная ткань, одно- или двухлицевая с рисунком (обычно цветочным), образованным блестящим атласным переплетением нитей, на матовом фоне полотняного переплетения.

Купити: https://tellnovel.com/loginov_aleksandr/boyarin

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)